

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

БОЙ ТИГРОВ
В ДОЛИНЕ

ТОМ 2

Александра Маринина

Бой тигров в долине. Том 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2892785

Маринина А. Бой тигров в долине : роман в 2-х т. Т. 2: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55179-8

Аннотация

Упав с балкона одного из московских домов, насмерть разбилась молодая девушка Екатерина Аверкина. Многие соседи, гулявшие в этот момент во дворе, видели, как Катю столкнула вниз ее старшая сестра Наташа. Ее сразу арестовывают. Девушка в шоке – во время трагедии она... гуляла по Москве со своим молодым человеком Ленаром! Но доказать это невозможно – свидетельские показания перечеркивают все доводы Наташи, и, кажется, ничто не в силах ей помочь. Однако делом Аверкиной-старшей заинтересовались адвокат Виталий Кирган и оперуполномоченный Антон Сташис. В ходе расследования они обнаруживают неожиданные факты, которые в конце концов приведут их к ошеломляющей разгадке...

Александра Маринина

Бой тигров в долине. Т. 2

Надежда Игоревна Рыженко уже научилась различать звук, который издавал адвокат Кирган, когда стучал в дверь ее кабинета. Звук был каким-то особенным, не отрывистым, а мягким, словно не зрелый мужчина стоял по ту сторону, а пушистый кот. И сегодня, услышав знакомый стук, Надежда Игоревна вздрогнула. В прошлый раз она дала слабину и позволила себе мысли вслух, усомнившись в собственной профпригодности. Нельзя так себя вести в присутствии адвоката, потому что адвокат – это всегда враг или в лучшем случае противник. Она непозволительно распустилась, она страшно устала и от работы, от волнений за дочь, но самое главное – она устала от тоски по мужу. Эта тоска выжгла все у нее внутри, высосала все соки, отняла все силы. Отсюда и ошибки – и в работе, и в том, как она ведет себя с адвокатом. Надо идти в отпуск. Надо отдыхать. Надо приходить в себя. А как это сделать?

Она решила занять жесткую позицию и ясно дать понять этому Киргану, что развалить еще одно дело ему не даст.

– Что у вас? – сухо спросила Рыженко.

– У меня очередное ходатайство, – весело сообщил адвокат. – Я прошу направить запрос нотариусу и истребовать копию завещания.

– Завещания? – Следователь не сумела скрыть удивление и на мгновение забыла о том, что должна быть холодной и непрístupной. – Какого завещания?

– Завещания, согласно которому Екатерина Аверкина получила восемь миллионов рублей.

– Зачем? Что это даст для установления истины по делу?

– Мне кажется, это даст очень многое, – заговорил Кирган серьезно и настойчиво. – Вы же не можете не видеть, что убийству предшествовали более чем странные события: наследство, полученное неизвестно от кого и неизвестно по какой причине, затем появляется подружка, которая внезапно исчезает, как только погибает наследница, да и само убийство тоже вызывает массу вопросов. Надежда Игоревна, вы же опытный следователь, вы не один десяток убийств раскрыли, ну не можете вы не видеть, что здесь что-то не так. Не верю я, что вы не видите.

– Я не понимаю, какое еще отношение к убийству имеет наследство, кроме самого прямого: из-за этих денег Аверкина убила свою сестру, столкнув ее с балкона. Деньги у нее обнаружили, то есть корыстный мотив полностью доказан. А откуда появились эти деньги – дело десятое и к доказыванию вины Аверкиной ничего не добавляет.

– А подружка? – растерянно спросил адвокат, и следователь усилием воли подавила удовлетворенную улыбку. – Как же подружка, Яна Орлова? Я ведь рассказывал вам про продавщицу, и про покупку одинаковых вещей, я вам фотографии показывал, и вы со мной соглашались...

– Тогда соглашалась, а теперь – нет. Я подумала и сделала другие выводы. Вероятно, эти выводы вас не устроят.

Она видела, как на лице Киргана заходили желваки. Вот и славно, господин адвокат, не все коту масленица. Разумеется, она приобщила показания продавщицы Кривенковой к материалам дела, и оперативники пытаются девицу по имени Яна Орлова разыскать, но отчего-то говорить об этом адвокату не хотелось. В Надежде Игоревне закипали раздражение и злость, и у нее не было ни сил, ни желания этому сопротивляться. Не станет она признавать правоту Киргана, не станет! Хотя он, конечно, прав.

– Но вы хотя бы дали задание операм разыскать эту подружку, Орлову? – продолжал тем временем Кирган, и в его голосе, ставшем каким-то скрипучим и неприятным, Надежда Игоревна уловила нарастающее напряжение.

Вот она позволила себе минуту слабости – и немедленно получила результат. Этот Кирган уже считает, что может ею руководить и требовать отчета. Совсем спятил господин адвокат! Ничего, сейчас она ему ответит, да так, что мало не покажется.

– Вы что себе позволяете, господин адвокат? – надменно проговорила она. – Вы собираетесь меня контролировать? Возьмите себя в руки. Знаете, что сказал Вишванатан Ананд? – Рыженко выдержала выразительную паузу, чтобы дать Киргану время вспомнить, кто такой Ананд, и понять, что высказывания великого шахматиста ему неизвестны. – Он сказал: «Я – чемпион мира и не обязан ничего ни с кем обсуждать». Надеюсь, вы меня правильно поняли?

– Надеюсь, что правильно. – Кирган, казалось, совсем сник. – Я сам направлю нотариусу адвокатский запрос.

– Да ради бога, – пожала плечами Рыженко, – делайте, что хотите, только меня от работы не отвлекайте.

– Но когда я получу копию завешания, я буду ходатайствовать о приобщении ее к делу.

– Вы что, испугать меня решили? Подавайте ходатайство, я его рассмотрю в трехдневный срок, как положено, и направлю по почте письменный ответ.

Кирган некоторое время молча смотрел на нее, потом развернулся и направился к двери. У порога остановился и обернулся.

– Я очень надеюсь, что мне удастся вас убедить. И рекомендую обратить внимание на некую Евгению Головкину, ее имя в списке абонентов Екатерины Аверкиной. У меня есть все основания полагать, что она как-то связана с Яной Орловой. Всего вам доброго.

– И вам того же, – с усмешкой бросила Рыженко ему в спину.

Антон ненавидел себя. Он сам себе казался грязным и отвратительным. Ведь он пришел к Галине только для того, чтобы поговорить о наследстве и о Толике, ее брате, но не совладал с собой. От одного только вида ее белья у него в голове помутилось. И теперь, лежа рядом с ней в постели, он собирался с духом, чтобы после бурных утех начать серьезный разговор. Какое-то неподходящее место для этого... Надо, наверное, встать, одеться, выйти из спальни.

Но Галина вставать не собиралась, она разнеженно валялась в кровати и что-то тихонько мурлыкала.

– Может, кофе выпьем? – неуверенно спросил Антон, выискивая повод заставить подругу вылезти из-под одеяла.

– Ты хочешь кофе? Лежи, я сварю и принесу сюда.

Нет, он хотел совсем не этого. С одной стороны, он хотел поговорить, с другой стороны – снова нырнуть в водоворот ранее неведомых ощущений, ощущений человека, который одновременно наслаждается и презирает себя за это наслаждение. Никогда прежде близость с этой женщиной подобных чувств не вызывала. Но уж, во всяком случае, кофе он точно не хотел.

– Ну что ты будешь меня обслуживать, как падишаха? – делано возмутился Антон. – Давай встанем и вместе пойдем.

Галина не сопротивлялась, хотя он видел, что ей совсем не хотелось вставать. Она сварила кофе, Антон, внося свою лепту, порезал сыр.

Рассказ об убийстве Кати Аверкиной Галину не испугал, а ведь Антон так на это рассчитывал.

– Галка, тебе нужно быть осторожнее, – говорил он. – Ты видишь, к чему может привести твое наследство? Тебе нужно быть очень аккуратной, особенно с новыми знакомыми. Чернецов оставил деньги Кате – и ее убили. Неужели тебе не страшно?

– Да брось ты, – она вяло махнула рукой и откусила кусочек сыра, – кто меня убьет? Не Толик же? И потом, твою Катю убили за деньги, ты сам сказал. А у меня уже ничего не осталось, я почти всё промотала.

– Неужели всё? – ахнул Антон. – Не может быть! Там же такая сумма...

– А, – недовольно передернула плечами Галина, – много ли времени нам, бабам, надо, чтобы размотать такие бабки? Накупила черт знает чего и непонятно зачем, шкаф ломится, а радости нет. Знаешь, когда покупала все это барахло и цацки, то казалось, что вот теперь только и начнется у меня настоящая жизнь, сверкающая, радужная, ведь я теперь буду хорошо одета, буду ходить к дорогим парикмахерам и косметологам, стану отлично выглядеть, и на меня начнут обращать внимание самые крутые мужики. А оказалось...

– А что оказалось?

– Да ну... Ну выгляжу я на все сто, ну надето на мне шмоток и украшений на бешеные деньги, ну стрижка у меня стильная, а радости нет. И почему я была уверена, что она непременно будет, радость эта?

– А мужики-то посматривают? – осведомился Антон. – Генеральная цель достигнута?

– Так в том-то и дело! – с досадой воскликнула Галина. – Посматривают, даже засматриваются. А я вдруг поняла, что мне это неинтересно. Представляешь? Столько деньжищ вбухать в то, что неинтересно и не приносит радости. Это какой же кретинкой надо быть! Лучше бы я эти деньги Толику отдала, он бы квартиру купил. А теперь он на меня обиделся, не звонит, не появляется. Я только сейчас поняла, что раньше он звонил часто и мы подолгу разговаривали. Мне казалось, что все так и должно быть, и будет всегда. А теперь, когда этого нет, я вдруг поняла, как много это для меня значило.

Ему стало жаль Галку. Она все же образумилась. Но если убийство Кати Аверкиной имеет не денежную подоплеку, а какую-то другую, то опасность для Галины все еще остается.

– Я все-таки прошу, будь осмотрительной, – сказал он. – Вспомни, не появились ли у тебя новые знакомые после получения наследства?

– Нет, никто не появился. Да и где мне их заводить, этих знакомых? Я допоздна работаю, если было свободное время, то по бутикам носилась, за три месяца четыре раза за границу летала, в Милан и в Париж, роскошный шопинг себе устраивала.

Она была такой печальной и подавленной, что у Антона от жалости сжималось сердце. Уходя от Галины, он вдруг спохватился, что за последние два часа не получил ни одной эсэмэски от дочери. Ах, да, Эля же с утра говорила, что записала детей на восемь вечера к стоматологу для прохождения профилактического осмотра. Черт возьми, ну что он за отец! Вместо того чтобы самому вести сына и дочь к врачу, он ложится в постель с любовницей. Да еще с такой, моральные качества которой оставляют желать много лучшего. Ему стыдно. Ему противно. Ему горько.

И что самое ужасное: он отдает себе отчет в том, что снова придет в эту квартиру и ляжет в эту постель.

Убийство произошло давно, в середине ноября, и сейчас Валентин Семенов докладывал Забродину и его помощникам о ходе следствия. Памятуя требование Владимира Григорьевича не называть никаких имен и фамилий, Валентин, рассказывая об истории двух друзей, называл одного Игроком, другого – Сыном. Так Забродину было понятнее, потому что участников игры много, про всех все помнить он не может, у него голова другим занята. Вот

и приходится Семенову почти каждый раз на этих совещаниях пересказывать по новой то, что он уже десять раз говорил.

– Итак, Сын, которому нужно было поставить памятник на могиле родителей и который заказал для этого дорогой камень, убил Игрока, своего друга, который получил наследство и все промотал, но Сыну клятвенно пообещал дать денег на обустройство захоронения. Игрок, если вы помните, набрал долгов еще до того, как получил реальные деньги, и когда вступил в права наследования, то сразу все отдал. А Сын рассчитывал на эти деньги, сделал предоплату, взяв займы. Камень пришел, с заказчика стали требовать полную оплату, тем более что камень доставили давно и художник уже сделал всю работу. Договор составлялся заранее на все, то есть на камень, на работу художника и на обустройство захоронения. Сын внес аванс, работа выполнена, а оплатить ее нечем. И взятые ранее в долг деньги отдавать тоже не из чего, а кредитор напоминает, теребит, да и проценты капают. Кладбищенская же администрация регулярно насылает на Сына бандитов, которые его запугивают и истязают угрозами. Он просил, умолял, взывал к совести, но Игрок отвечал, что ничего не может сделать, денег нет и не будет. Сын понял, что попал накрепко, выхода не видел и запил, а в порыве гнева после очередной выпивки подкараулил Игрока и нанес ему одиннадцать ножевых ранений. Игрок скончался, Сын арестован, следствие на днях закончено, дело передано в суд.

– То есть вина Сына доказана? – уточнил Забродин.

– Полностью, – кивнул Семенов.

– Ну что ж, можно производить итоговую оценку. Сколько мы давали предварительно?

Владимир Григорьевич посмотрел на Юлию Шляго, но та молчала, словно не замечала взгляда шефа. Голос подал второй помощник, Суханов.

– Если я не ошибаюсь, – он повернулся к приколотым на демонстрационных досках схемам и поискал глазами нужный график, – мы давали семьдесят пять. Хотя лично я считаю, что и этого много. Пьяный мужик в состоянии аффекта, чувствует себя обманутым, преданным, попал в тяжелую финансовую ситуацию. Если все эти обстоятельства доказаны, то... – Он перевел глаза на Семенова, который кивнул, подтверждая, что все доказано. – Тогда я бы предложил скорректировать предварительную оценку и снизить баллы до шестидесяти.

– Эж хватил, – усмехнулся Забродин. – Ты своего не упустишь, как я погляжу. Ну а ты, Юля, что скажешь? Согласна со Славой или у тебя свое мнение?

– Я, безусловно, согласна с тем, что говорит Вячеслав, обман и предательство – это очень болезненный удар, с которым не все могут достойно справиться. И согласна, что предварительную оценку можно скорректировать в сторону снижения. Однако я бы хотела, если позволите, поделиться другим соображением. – И она выжидательно посмотрела на Забродина.

Тот сделал разрешающий жест кистью руки, при этом сверкнули сапфировые запонки на манжете.

– Давай, говори.

– Если мы с вами сходимся во мнении, что обман и предательство – это сильный аргумент, то этот аргумент должен быть по достоинству и справедливости оценен в поведении Игрока. Поэтому я предложила бы повысить синие баллы в оценке убитого, который, по сути, спровоцировал Сына. Впрочем, окончательное решение, как всегда, за вами, Владимир Григорьевич. Я ни на чем не настаиваю.

Забродин довольно рассмеялся, и Семенов не понял, что ему так понравилось.

– Умно, – сказал Владимир Григорьевич. – Хвалю. Пятерка тебе, девочка. Ну, Славка, что ты на это скажешь?

Помощник, который продолжал с настойчивостью маньяка все записывать, только пожал плечами, не отрываясь от своего блокнота.

– Как скажете, Владимир Григорьевич, – проговорил он, не поднимая глаз. – Вам решать. Но лично я считаю, что поведение Игрока оценено вполне адекватно.

– Сколько мы ему в общей сложности насчитали? – спросил Забродин.

Семенов ухмыльнулся про себя. Шеф сидит совсем рядом с демонстрационными досками, ему стоит только голову повернуть, и он все графики увидит. А помощнику-писаке нужно всматриваться, потому что расстояние до плакатов получается не меньше пяти метров, номер-то президентский, комната для совещаний просторная, с длинным столом, и шеф сидит во главе, рядом с графиками, а Суханов – на противоположном конце, напротив Семенова. Графиков-то много, и не сказать, чтобы они были очень крупными. В общем, ведет себя заказчик как большой барин. Ну, да ладно, не ему, Семенову, судить, у них там свои таски.

– Сорок восемь синих и двадцать три красных, – отрапортовал Суханов.

– Значит, так, повышаем синие баллы до шестидесяти восьми, – вынес вердикт Забродин. – Это будет справедливо.

– Что же получается, у убитого синих баллов больше, чем у убийцы? – возмутился Суханов. – Так не может быть!

– Очень даже может, – невозмутимо произнес Забродин. – Этот игрок столько наворотил глупостей и гадостей, что шестьдесят восемь ему будет в самый раз. А ты, Славка, имей совесть, не торгуйся.

Семенов уловил полный ненависти взгляд, который Суханов бросил на Юлию. Ну, ясен пень, два помощника одного шефа никак хозяйскую любовь поделить не могут. Плавали, знаем.

Забродин нравился Семенову все меньше и меньше. На этих совещаниях они обсуждают человеческие судьбы и трагедии. Обсуждают даже убийства. И делают это цинично, сухо, обстоятельно, как будто товар на рынке выбирают. Ему, Валентину Семенову, повидавшему за свою службу немало трупов и убитых горем близких погибших, такой цинизм неприятен. И баллы какие-то... Спросить нельзя, а понять ничего невозможно.

Для того чтобы найти неуловимую Яну Орлову, оперативникам Роману Дзюбе и Геннадии Колосенцеву нужно было первым делом разыскать Евгению Головкину, чьей симкартой, судя по всему, пользовалась Яна. Но это оказалось не так уж и просто. То есть сначала все пошло довольно быстро, а потом застопорилось: выяснилось, что Евгения нигде не учится, не работает, проводит время как ей вздумается и тусуется с компанией наркоманов. В частности, благодаря помощи местных милиционеров удалось выловить знакомых Жени, которые сказали, что вроде бы Женька уехала к кому-то на дачу, но к кому именно – никто не знал, и родители ее тоже этого не знали, только вздыхали и говорили, что не могут за ней уследить и она совсем от рук отбилась. Правда, вроде бы обещала вернуться в воскресенье вечером.

Пришлось тратить вечер выходного дня на очередную попытку встретиться с Головкиной. На этот раз попытка удалась: Евгения была дома. Дверь им открыла мать девушки, с которой они уже виделись, когда искали Женю. Женщина выглядела хмурой и расстроенной.

– Проходите, – буркнула она. – Женя в своей комнате. Только не знаю, станет ли она с вами разговаривать.

– А что, она не в духе? – весело поинтересовался Роман Дзюба, рыжеватый, крепко сбитый качок с мускулистой толстой шеей и широченными плечами.

– Да она всегда не в духе. – Мать обреченно махнула рукой. – Туда идите.

Оперативники без стука открыли дверь маленькой комнатки и вошли. Женя Головкина, худая, бледная до синюшности, в мешковатых джинсах и растянутой длинной майке, сидела на диване, забравшись на него с ногами, лицом к работающему телевизору, однако по

ней было видно, что происходящее на экране ее мало интересует. Она медленно повернула голову в сторону вошедших и вяло спросила:

– Чего надо? Вы кто?

Оперативники почти сразу поняли, что большой пользы от разговора не будет. То ли Женя была под кайфом, то ли ее уже начало ломать. И в том, и в другом случае надежды на девчонку никакой. Но не разворачиваться же и уходить, раз уж приехали в такую даль!

Минут десять пришлось потратить на то, чтобы Евгения прониклась необходимостью отвечать на вопросы.

– Кому ты отдала свой телефон?

– Никому, вот он. – Девушка лениво протянула руку к висящей на стуле толстовке и достала из кармана мобильник. – Вы вообще чего?

– А как понять, что вот этот номер, – Колосенцев, стройный брюнет с ранней обильной сединой, сунул ей под нос бумажку с цифрами, – зарегистрирован на тебя? Кто им пользуется?

Женя наморщила лоб, пытаясь сообразить, чего от нее хотят. Потом лицо ее просветлело.

– А, вы про это... Это меня один хмырь попросил, прикинутый такой, прикольно было.

– Зачем?

– А я откуда знаю? Он мне не отчитывался.

– Ну, как он объяснил свою просьбу? – допытывался Колосенцев. – Он же должен был хоть что-то тебе сказать.

– Да не помню я, – раздраженно отмахнулась Женя. – Чего пристал?

– А ты вспомни, – ласково проговорил Геннадий. – Тебе же лучше будет. А то знаешь, как плохо у нас обращаются с теми, у кого проблемы с памятью?

Видимо, Женя или знала точно, или примерно представляла, насколько плохо обращаются «у них» с забывчивыми.

– Ну, этот чел сказал, что хочет подарить телефон своей подружке, но не хочет светить свое имя в базе данных телефонной компании, потому что у его жены есть возможность проверить, а она жутко ревнивая.

– А что, подружка без рук – без ног, – ехидно осведомился Колосенцев, – сама купить не могла?

– Так я тоже спросила, мол, чего ваша подружка сама не купит, на свое имя? А он говорит, что это вроде как подарок, сюрприз, у нее день рождения. Ну, а мне какая разница? Жалко, что ли?

– Он денег дал? – подал голос Роман Дзюба, до этого стоявший молча.

– Ну, а то! Стала бы я просто так колотиться.

– И много дал?

– Твое какое дело? – окрысилась Женя.

Колосенцев неодобрительно посмотрел на напарника: нельзя задавать такие вопросы, если хочешь добиться достоверной информации. Зачем людей злить и ставить их в неловкое положение? Они же не незаконное извлечение доходов расследуют. Ох, учиться еще этому папану зеленому и учиться!

– Да мне без разницы, сколько он тебе дал, – сказал Геннадий как можно добродушнее. – Ты эти деньги честно заработала. Какой он, этот человек?

– Не помню.

Ну вот, началось... Все-таки разрушил Ромка своим дурацким вопросом едва наметившееся доверие.

– Когда это было?

– Не помню, но давно.

- Как давно?
- Да фиг его знает, может, месяц назад, может, два.
- А может, три?
- Может, и три. Отстаньте. Ничего больше не знаю.

Да, с Женей Головкиной каши не сварить, у нее уже с памятью проблемы и с мозгами. Они еще минут двадцать задавали вопросы, пытаюсь выяснить, как познакомилась Женя с этим неизвестным мужчиной и в каком офисе оформляла покупку сим-карты, но ясность так и не наступила. Женя помнила все очень плохо или не помнила совсем. Правда, судя по тому, как все происходило, приобретала она карту где-то поблизости, но что толку от этого знания?

Едва за оперативниками закрылась дверь квартиры Головкиных, как Роман Дзюба схватил Колосенцева за рукав.

- Ген, ты заметил насчет матери? – возбужденно зашептал он.
- Что насчет матери? – недовольно откликнулся Геннадий.
- У нее скованные движения, она двигалась осторожно, как будто ей очень больно.

Поверхностное дыхание, такое бывает при ушибе или переломе ребер. И на лице синяки, замазанные тоном. Похоже, муж-то ее поколачивает. Не все ладно в этой семейке. Надо бы к ней присмотреться.

– Зачем? Что ты там хочешь высмотреть? Наша задача – выяснить про номер телефона, а не про то, как родители Головкиной между собой живут. И вообще, с чего ты взял, что ее муж бьет? Может, ее хулиганы избили, или она в аварию попала.

– Нет, – упрямо возразил Роман, – если бы хулиганы, она бы обязательно с нами об этом заговорила. Я точно знаю, она бы стала нас упрекать, что мы ничего не делаем, только людям жить мешаем, и все такое, а хулиганы безнаказанно по улицам шастают. И не в аварии она пострадала.

– Почему ты решил?

– Мне кажется, я у ее мужа видел сбитые костяшки пальцев. Давай пойдем к участковому и поговорим с ним, предупредим, что семья неблагополучная.

– Да иди ты! Что у тебя за манера вечно лезть не в свое дело! – рассердился Колосенцев. – У нас своя работа, у участкового – своя. И он, между прочим, нашу работу за нас не делает. Кроме того, сегодня воскресенье, где ты собираешься участкового отлавливать? И вообще, мне пора закругляться на сегодня, у меня в девять игра начинается.

Геннадий Колосенцев был геймером, причем геймером оголтелым, на грани болезни. Самый разгар в онлайн «войнушках» начинается с девяти вечера и продолжается до двух-трех часов ночи, вот он и старался к девяти вернуться домой и сесть за компьютер. В своем «клане» Геннадий считался одним из лучших снайперов и горел желанием постоянно совершенствовать мастерство. Жил он с родителями, личной жизнью не увлекался, все свободное время проводил в игре и жил только ею. Поэтому не приветствовал никакой инициативы напарника и уклонялся от любой дополнительной работы, выполняя только то, что велено начальством.

– А как мы теперь будем искать эту Орлову? – спросил упавшим голосом Роман.

– Да хрен его знает! – отмахнулся Колосенцев. – Завтра подумаем. А сегодня мне бежать пора.

Анатолий Тишунин, брат Галины, был несказанно удивлен, услышав в телефонной трубке голос Антона, которого он давно знал: Толя был на пять лет старше сестры, учился в той же школе и Галкиных друзей видел постоянно. Еще больше удивился он предложению Антона встретиться.

– Зачем? – спросил он встревоженно.

Да, они давно знакомы, но никаких общих дел у них сроду не было.

– Это касается Галки, – осторожно пояснил Антон.

Но Анатолий все равно испугался.

– А что с ней? Она во что-то влипла?

– Да пока нет, но есть вещи, которые я бы хотел с тобой обсудить. Посидим в баре, пива выпьем, поговорим.

Они встретились в этот же день вечером, Антон объяснил Анатолию причины своего беспокойства и спросил, не было ли в его жизни в последнее время каких-то странных или подозрительных ситуаций.

– Да нет, вроде ничего такого странного не было, – задумчиво ответил брат Галины.

– В твоём окружении не появлялся кто-нибудь новый? Знакомый, приятель, может быть, на работе к тебе кто-то стал проявлять повышенное внимание?

– Да нет, на работе у меня вообще все сложно, знаешь, на фирмах не любят тех, у кого было свое дело и кто теперь прогорел и вынужден стать наемным работником. На таких, как я, будто клеймо неудачника стоит, нас избегают, с нами стараются дела не иметь.

– Ну, а не на работе?

Анатолий снова задумался.

– Ты знаешь, действительно, появился у меня новый приятель, Леха Гаврин.

– А отчество?

– Не спрашивал, – улыбнулся Тишунин. – Как-то ни к чему было.

– Кто он? Как вы познакомились?

– Я машину на техосмотр пригнал, встал в очередь, а он подъехал следом, ну, разговорились, то-се, я пожаловался, что с запчастями иногда бывает проблема, он пообещал помочь, обменялись телефонами. Он мне понравился, приятный такой мужик, веселый, умный, позитивный, одним словом. Сказал, что работает завредакцией в каком-то издательстве, которое издает научную и учебную литературу. И когда он позвонил и предложил посидеть выпить, я не возражал. Вот как-то так и начали общаться. А что? Думаешь, это как-то связано с Галкой?

– Не знаю, но надо проверить.

– Ах, черт, да что ж такое! – с досадой воскликнул Анатолий. – Не дай бог, Галка во что-нибудь впутается! Знаешь, она тут недавно приезжала, новогодние подарки моим детям привозила, тачка новая, шуба из какого-то невиданного зверя, сапоги и сумка из крокодила, а брюки вообще из питона. Можешь себе представить: штаны из питона? А мне жить негде, я на аренду квартиры всю зарплату отдаю, живем втроем на зарплату жены. Копейки считаем. И ведь Галка отлично знает мою ситуацию, знает, что я продал квартиру, чтобы спасти свой бизнес, и забыть она об этом никак не могла, потому что мы тогда у нее прописались, без этого мне не разрешали квартиру продавать. Бизнес не спас, пошел в менеджеры. И когда она мне про наследство сказала, я, честно признаться, духом воспрял, ведь сумма-то огромная, я почему-то был уверен, что она со мной поделится, и я смогу хоть какое-то жилье купить. А она начала деньги тратить на всякие глупости. Ты давно ее видел?

– Недавно, – коротко ответил Антон.

– Значит, вы по-прежнему встречаетесь?

– Толя, не хочется мне это обсуждать. Все не так просто, знаешь ли... На днях я к ней заехал, чтобы мозги попытаться ей прочистить. Но все без толку, не слушает она меня. Кстати, ты не знаешь, кто такой Чернецов и за что он оставил Галине такие бешеные бабки?

– Понятия не имею, – покачал головой Тишунин. – Мы с Галкой об этом говорили, я тоже ее спрашивал, а она ответила, чтобы я не забивал себе и ей голову всякой ерундой. Она, видишь ли, считает, что это мог быть ее отец.

– А что, есть такие основания?

– Ну... вообще-то есть, – признался Анатолий с кривой усмешкой. – Наша матушка покойная, не будь она тем помянута, очень любила погулять. Так что я допускаю, что такое возможно. И, главное, спросить не у кого, не у отца же...

– Ты можешь назначить встречу со своим новым приятелем?

– Легко. А зачем?

– Хочу на него посмотреть. Может быть, выясню, кто он на самом деле.

– Думаешь, он соврал, что в издательстве работает?

– Думать мне пока рано, – улыбнулся Антон. – Фактов не хватает. Вот когда факты соберу, тогда и начну думать. Попробуй пригласить своего нового знакомца пивка попить... – Он внимательно огляделся, прикидывая, подходит ли для его целей помещение пивного ресторана, где они сейчас сидели, и продолжил: – Да хотя бы здесь же. Позвонишь?

Анатолий взял телефон и нашел нужный номер. Приятель оказался стоворчивым и легким на подъем, он с удовольствием откликнулся на предложение Тишунина, который подробно объяснил, где находится ресторан. Встречу назначили на вечер следующего дня, после работы.

Антон еще раз осмотрел зал и остановил свой выбор на столике возле колонны. Народу было много, и, несмотря на то что свободные столики были, все самые лучшие, на профессиональный взгляд оперативника, оказались занятыми.

– Давай подойдем к администратору и зарезервируем на завтра два стола, – сказал он Анатолию.

– Зачем? – удивился тот. – Есть же места, здесь битком никогда не бывает.

– Битком, может, и не бывает, только не все столики нам с тобой годятся. Мне нужно хорошо видеть твоего Гаврина, но при этом он не должен видеть меня. Так что пошли, вот за этим столом будете сидеть вы, – он указал на столик у колонны, – а вот за этим устройсь я. И постарайся завтра обо мне не думать, даже не вспоминать. Не нужно, чтобы ты оглядывался и искал меня глазами, понял? Придешь чуть пораньше, чем вы договорились, и сядешь с этой стороны, ко мне спиной. Тогда твой гость вынужден будет сесть напротив, и я его хорошо рассмотрю.

– Да что там, не первый день на свете живу, – хмыкнул Тишунин.

До конца отпуска оставалось совсем немного, и Антон Сташис поймал себя на том, что начал нервничать. Ему показалось, что история с наследством Галины намного сложнее и опаснее, чем он думал сначала, и теперь для него стало необыкновенно важным довести дело до конца. Если он не успеет, то начнутся рабочие будни, и на историю с наследством времени вообще не будет. Конечно, всем операм хорошо известна положительная сторона их деятельности: можно слинять, куда нужно, практически в любой момент, их передвижения в основном бесконтрольны, и всегда можно отбрехаться встречами с доверенными лицами, которые, к сожалению, результатов не дали... Что ж, бывает. Но ведь результат рано или поздно выдавать все равно надо, поэтому ни один мало-мальски уважающий себя опер не позволит себе тратить все рабочее время на личные дела.

Антон с самого утра начал корить себя за то, что не попытался организовать встречу Анатолия Тишунина с его новым приятелем сразу же, еще вчера. Вот теперь еще один день пройдет впустую...

Он забрал Васю из школы, пообедал вместе с дочерью и няней, потом сходил в химчистку за вещами, починил плохо открывающуюся дверцу кухонного шкафчика, привел из садика Степу, скачал ему на айпад новую игрушку и стал собираться.

– Степа, будь аккуратным, – строго наказал он сынишке, – это все-таки мой айпад, он мне нужен для работы.

– Хорошо, папа, я не сломаю, – послушно ответил мальчуган, забираясь на свое любимое место под столом.

У Антона сжалось сердце. Степа предпочитает одиночество, он любит заниматься своими малышей делами и не любит, когда его трогают и заставляют общаться. Конечно, как любому нормальному ребенку, ему нравится ходить в парк, развлекаться на аттракционах, смотреть мультики, кататься с горки, но Антон давно заметил, что сын при этом, получая несомненное удовольствие, не стремится общаться со сверстниками. Одиночкой растет. Ему будет трудно.

Погруженный в размышления о сынишке, он не заметил, как добрался до ресторана, в котором была назначена встреча. Оба намеченных накануне столика стояли пустыми, на обоих красовалась латунная треугольная табличка с надписью «Зарезервировано». Естественно, по-английски, как у «больших». До условленного времени оставалось полчаса, и Антон решил, что, как бы ни развивались события в дальнейшем, поужинать он вполне успеет. Пролистав меню, быстро сделал выбор и заказал еду и графин томатного сока. Подумал было о пиве, но решил не рисковать, за рулем все-таки, хотя ресторан пивной и выбор пенного напитка здесь просто роскошный.

Заказ принесли на удивление быстро, и Антон начал есть, поглядывая на дверь. Мысли снова вернулись к Степану. Вчера Эля говорила, что на него опять жалуются воспитатели: не слушается, от всего отказывается, в особенности когда детям предлагается что-то делать всем вместе – лепить, рисовать, идти строем на прогулку. Мальчишка растет индивидуалистом, он категорически не желает ходить в ногу со всей ротой. И что с этим делать, Антон не понимает. И вообще, надо ли что-то делать или пусть все идет, как идет? Была бы с ними Рита, она бы знала, как обращаться с ребенком, хоть и не имела специального образования, но матери как-то чутьем, инстинктом догадываются о таких вещах, а он – отец, у него инстинкта нет, один только разум, который подсказывает, что человеку с задатками индивидуалиста будет очень трудно адаптироваться в жизни. Степка еще долго не сможет жить сам по себе, еще два, а то и три года ему придется ходить в сад, потом школа, потом институт или армия, в любом случае еще как минимум восемнадцать лет ему нужно будет существовать в коллективе. А с коллективом надо считаться, это Антон Сташис знал точно. И если Степку сейчас не перевоспитать, то ему будет потом очень трудно. И не только ему будет трудно с людьми, но и людям с ним будет нелегко. А как перевоспитывать? Ломать через колено? Плохо, что мальчик растет без матери. Конечно, рядом всегда Эля, но ведь Эля не мать, она всего лишь няня. У нее не было своих детей, и как знать, есть ли у нее тот самый инстинкт, который позволяет правильно вести себя со сложным ребенком. С Васькой-то проблем куда меньше, учится она не блестяще, в основном на четверки и тройки, но она добрая, хорошая девочка, покладистая, послушная, ей всегда можно все объяснить и обо всем договориться. Она разумная, хотя не особенно способная к учебе, по русскому языку успевает совсем плохо, делает такие орфографические ошибки, что Антон не знает, плакать ему или смеяться. Вася – обычная девочка, папина радость. А вот что делать со Степаном, который в свои четыре года демонстрирует способности явно выше средних, – совершенно непонятно.

И словно в ответ на его мысли звякнул телефон, пришла эсэмэска от Васи: «Папа я уроки сделала сейчас будем уженать». Вот так, без запятых и с тремя орфографическими ошибками в семи словах. Антон знал, что Эля занимается с Василисой каждый день, и диктанты писать заставляет, и правила учить, и читать. Конечно, какой-то результат есть, в начале учебного года в семи словах Вася сделала бы семь ошибок, а теперь только три. Как хорошо, что есть Эля... Только вот надолго ли она рядом с ними?

Антон Сташис запрещал себе думать о двух вещах: о том, как было бы хорошо, если бы Рита была жива, и о том, что делать, если Эля от них уйдет. Но запрет он регулярно нарушал. Вот и сейчас, глядя на идущего через зал Анатолия Тишунина, он думал о том,

какая Галка глупая, не ценит своего счастья, ведь у нее есть брат, и его жена, и их ребенок – Галкин родной племянник, и отец. У нее такая большая семья! И все эти люди могут быть вместе, любить друг друга, помогать и поддерживать в трудные дни. Да просто собираться за одним столом, в конце концов! А у Антона от его большой дружной семьи не осталось ничего, он всех похоронил: и отца, и маму, и брата, и сестру, и жену. Теперь у него есть только маленькие дети, два крохотных осколочка огромного семейного счастья.

К Анатолию подсел мужчина в возрасте чуть за тридцать, приятели обменялись рукопожатиями. Лицо Алексея Гаврина было отлично видно, и Антон сразу же узнал человека с фотографии, которую ему показывал адвокат Кирган. Эту фотографию раздобыли какие-то люди, Марго и Борис, которые помогают Киргану. Вот, значит, как! Таинственный поклонник Кати Аверкиной оказался еще и поклонником Толика Тишунина. Любопытно.

Еще вчера они с Анатолием договорились, что встреча не должна быть продолжительной, придумали легенду – Анатолию требовался совет, который можно получить легко и быстро. Как только Тишунин и Гаврин пригубили пиво, Антон попросил счет, расплатился и вышел на улицу. Машину свою он оставил за углом: перед рестораном в тот момент не было ни одного свободного места. Теперь он завел двигатель и выдвинулся на позицию, с которой хорошо просматривался вход в ресторан.

Ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал, но в конце концов Анатолий с приятелем покинули заведение, распрощались, и Тишунин отправился пешком: ресторан находился в пяти минутах ходьбы от дома, где он снимал квартиру. Алексей Гаврин сел в машину и через полминуты начал выруливать в сторону проспекта, ведущего в центр города. Антон двинулся за ним.

Он трезво оценивал свои профессиональные умения и знал, что не является таким уж мастером наружного наблюдения и слежки за объектом, просто делал так, как умел. И судя по тому, что Гаврин его не заметил, этот человек тоже не был «асом воздушного боя». Обыкновенный москвич, не знающий за собой грехов и не подозревающий, что за ним могут следить. Может, зря Антон все это затеял? Может, ему просто всюду мерещатся злодеи?

Однако вскоре Антону Сташису пришлось признать, что с выводами он поторопился. Машина Гаврина остановилась перед одноподъездным зданием, его входная дверь была снабжена серьезным электронным замком, который Гаврин открыл при помощи магнитной карты, и скрылся внутри. Антон подошел к подъезду и внимательно прочитал надписи на табличках, извещающие о том, какие организации здесь расположены. Турфирма, детективное бюро, независимый аудит, кабинет психологической помощи. Ну, и в какую из этих контор направился Гаврин? Он воспользовался магнитной картой, стало быть, он не посетитель, а сотрудник. Но сотрудник чего? Ни одна из указанных фирм на первый взгляд не связана с редактированием научной и учебной литературы, а ведь Гаврин сказал Толику, что он является заведующим редакцией издательства. Или у него есть еще одна специальность, которая позволяет зарабатывать на жизнь, потому что на зарплату, которую платят в издательстве, издающем научную и учебную литературу, не разбежишься. Кто он, этот Алексей Гаврин? Психолог? Бухгалтер-аудитор? Частный детектив? Специалист по туризму? И почему он приходит на работу в девять вечера?

Антон вернулся в машину, позвонил, продиктовал номер автомобиля Гаврина и выяснил, что тут все чисто: черная «Ауди» зарегистрирована на Гаврина Алексея Владимовича, проживающего по адресу: Ореховый бульвар, дом 25. Антон дождался, когда Гаврин выйдет, и поехал за ним. На этот раз знакомый Анатолия Тишунина отправился, судя по всему, домой. Машину он загнал в гараж-«ракушку» и скрылся в одном из подъездов длинного дома на Ореховом бульваре. Значит, приятель Толика ездит на машине, оформленной на свое имя, и живет там, где официально зарегистрирован. Не прячется. Не таится. Может быть, все, что он о себе рассказал, правда, и подозрения Антона не имеют под собой никакой почвы?

Ладно, последний звонок – и все, он поедет домой. Правда, время позднее, в лицензионной службе уже давным-давно никого нет, но Антону, как и всем оперативникам, были известны номера, по которым в любое время суток можно быстро получить любую информацию, имеющуюся у органов внутренних дел. Еще через пятнадцать минут Антон Сташис выяснил, что два с половиной года назад на имя Алексея Вадимовича Гаврина была оформлена лицензия, позволяющая осуществлять частную детективную деятельность.

И еще Антон Сташис вполне отчетливо представлял себе, кто такой деятельностью занимается. Частные сыщики – почти все сплошь бывшие милиционеры. Бывают, конечно, и исключения, но, во-первых, нечасто, и во-вторых, в частные сыщики ни при каких раскладах не попадают заведующие редакциями издательств.

Антон клял себя последними словами за то, что отрывает время от общения с детьми, а ведь давал обещание посвятить им весь отпуск. Но он ничего не мог с собой поделать. Сперва лицемерно уговаривал себя, что выделит для слежки за Алексеем Гавриным только первую половину дня, когда Вася в школе. Степка все равно в садике до вечера. Но ведь его можно забирать пораньше...

Оказалось, что первой половиной дня дело никак ограничиться не может. Алексей Гаврин за кем-то следил. Как только Антон это понял, его начал душить хохот. Ну надо же, наблюдение за наблюдающим, как в старом анекдоте! Объектом внимания частного детектива Гаврина была серебристая «Шкода Октавия», за которой он таскался с самого утра. Антон послушно следовал за ним, каждую минуту ожидая, что будет обнаружен. Но Алексей не обращал на его автомобиль ни малейшего внимания. Неужели он такой беспечный? Или ему действительно нечего опасаться? А может, он просто не особо внимательный? Кто сказал, что частные детективы – это гении сыского дела? Они такие же, как все милиционеры, среди которых гениев что-то не наблюдается.

А водитель «Шкоды», похоже, «бомбила», берет пассажиров. И зачем он понадобился Гаврину? Впрочем, возможно, это и не слежка вовсе, а оперативная комбинация, в которую вовлечен водитель «Шкоды», и Гаврин его прикрывает. Ладно, посмотрим.

«Бомбила» высадил очередного пассажира, выехал на Садовое кольцо, попетлял по прилегающим улицам и остановился возле двухэтажного офисного здания. В здании он провел минут двадцать, все это время Гаврин ждал, припарковавшись метрах в пятидесяти от «Шкоды», причем в очень хорошем месте, которое не просматривалось от подъезда здания. Сначала Антон даже подумал, что частному сыщику несказанно повезло с парковкой, но потом понял, что, похоже, «бомбила» приезжает сюда не в первый раз, уж больно уверенно он подъехал и вошел внутрь. А Алексей Гаврин, сдается, следит за ним не первый день и хорошо знает это место, потому и встал так удобно.

«Бомбила» вышел, сел в машину и уехал. Антон собрался было двигаться, выжидая, пока следом за «Шкодой» поедет Гаврин, однако частный сыщик никуда не поехал. Он дождал, пока «Шкода» скроется из виду, запер свою машину и направился в офисное здание. Антон решил рискнуть: выскочил, быстрым шагом дошел до двери, прочитал название фирмы и вернулся назад. В здании располагалась организация под названием «Промедхелп». Что-то медицинское? Хорошо, что он взял с собой айпад. Набрав название в поисковике, Антон узнал, что фирма «Промедхелп» специализируется на организации лечения россиян за рубежом.

На сегодня слежку он решил прекратить. Хватит. Один звонок – и домой. Продиктовав в трубку номер серебристой «Шкоды», он записал на листке блокнота имя и адрес владельца. Павел Щелкунов, 1983 года рождения, прописан на улице Сталеваров, поставил машину на учет в декабре 2010 года. Машина новая, Щелкунов – первый владелец.

Все, хватит, надо возвращаться домой и заниматься детьми.

Но Антон Сташис, вырвав на шестиполосную дорогу, уже точно знал, что завтра утром поедет на улицу Сталеваров. Причем поедет очень рано.

Павел Щелкунов начинал свою деятельность в половине девятого, как раз тогда, когда наиболее активно ловят машины те, кто опаздывает на работу. Едва завидев знакомую фигуру, появившуюся в дверях подъезда, Антон встал со скамейки, на которой сидел с семи утра. Когда Щелкунов, спортивного сложения симпатичный русоволосый парень с открытым лицом, приблизился к машине, Антон припустил бегом.

– Мужик, не подбросишь? – задыхаясь, попросил он. – У меня тачка забарахлила, а мне срочно надо.

– Не вопрос, садись, – широко улыбнулся Щелкунов. – Мне все равно «бомбить», это мой хлеб. Даже хорошо, когда день начинается сразу с пассажира, значит, потом пруха будет.

Антон сел в салон и сразу увидел полиэтиленовые чехлы на сиденьях. Под ногами обнаружился заводской коврик. И запах, специфический запах новой машины.

– Отличная тачка, – одобрительно сказал он. – Хороша девочка! Завидую. Сколько лошадей? Семьдесят пять?

– Восемьдесят, – с гордостью уточнил Павел.

– А чего чехлы не снимаешь? Бережешь?

– Да нет, я тачку всего месяц назад взял, пока еще чехлы не подобрал.

– Значит, новая? Неплохо, видать, «бомбилы» зарабатывают, если такие тачки берут, – осторожно бросил первый пробный шар Антон.

– Да бог с тобой, – расхохотался Щелкунов. – Мне столько денег за всю жизнь не заработать. Это я наследство получил.

– Да ты что?! – делано изумился Антон. – Неужели так бывает? А я думал, что это все сказочки для кино. И кто у тебя преставился? Американский дедушка?

– Да хрен его знает! Понятия не имею, кто это был. Но деньги оставил. Тебя как везти, по Третьему кольцу или через центр?

– Давай по кольцу, – решил Антон, которому было все равно.

Он понял, что развивать тему неизвестного наследодателя Павел Щелкунов не собирается. Ну и ладно, давить не будем, чтобы не спугнуть. Да и не его это работа, пусть адвокат Кирган занимается.

Антон попросил водителя высадить его возле станции метро «Академическая» и, как только Павел отъехал, позвонил Киргану.

– Где вы? – спросил Кирган, едва Антон заикнулся о том, что у него появилась новая информация. – Давайте все обсудим при личной встрече. Куда мне подъехать?

Антон заколебался. Почему нельзя выслушать его по телефону? Что за тайны мадридского двора? Ему нужно каким-то образом вернуться на улицу Сталеваров, где осталась его машина. Впрочем... Если этот адвокат такой пугливый и подозрительный, то почему бы не обернуть ситуацию в свою пользу? Он быстро огляделся и увидел небольшую кофейню, в которой можно провести время. Вот пусть Кирган сюда приедет, а потом отвезет его в Новогиреево.

Кофе оказался таким плохим, что Антон при всей своей неприхотливости даже не смог его допить и попросил принести чаю. Зато сэндвич был очень даже ничего. Они договорились, что адвокат позвонит ему минут за десять до прибытия, чтобы Антон успел расплатиться и выйти на улицу.

– Не нужно, чтобы нас с вами лишний раз видели вместе, – бросил Кирган загадочную фразу, заканчивая разговор по телефону.

Как только Антон сел к нему в машину, он первым делом задал вопрос:

– К чему такая секретность? Почему нас не должны видеть вместе? И почему нельзя обмениваться информацией по телефону?

– А вы сами не видите? – усмехнулся Виталий Николаевич. – С одной стороны, очень большие деньги, которые непонятно как оказались у простого работяги Чернецова, с другой стороны, тонко и умно организованная подстава, жертвой которой пала моя подзащитная. Вы можете себе представить, какие силы тут задействованы? Можете дать гарантию, что люди, устроившие все это, не связаны с силовыми структурами или органами власти? Лично я не могу быть уверен, что мой телефон не прослушивается. А коль я вам звонил и вступил с вами в контакт, то и вас слушают тоже.

– Вы не преувеличиваете? – с сомнением проговорил Антон.

– Я перестраховываюсь, – коротко ответил Кирган. – Рассказывайте. Только давайте выключим мобильники, так спокойнее.

Антон пожал плечами, но телефон выключил. Станный все-таки народ эти адвокаты!

Ленар шагал рядом с Кирганом, предвкушая встречу с Павлом Щелкуновым. Когда он узнал о том, что у Чернецова выявился еще один наследник и адвокат собирается с ним встретиться, Ленар настоял на том, чтобы пойти вместе с ним. «Вот сейчас мы придем и наконец все выясним, – взволнованно думал он. – Станет понятно, кто устроил все это с Наташей. И следователь убедится, что она ни в чем не виновата».

Виталий Николаевич сказал, что Павел Щелкунов зарабатывает частным извозом и ловить его дома имеет смысл только в интервале с полудня до пяти, потому что утро и вечер – горячая пора для «бомбил». Он рассчитал правильно, и Павла они застали в квартире за установкой нового крана в ванной. Щелкунов оказался парнем сообразительным и быстро понял, о чем его спрашивают.

– Так я сам хотел бы знать, за что Чернецов оставил мне наследство, – заявил он. – Мы с Витькой разыскали племянника, Дениса этого, съездили к нему, только он ничего нам не объяснил.

– А Витька – это...

– Это брат, мы – близнецы. Мы с ним всю жизнь неразлейвода, – Павел улыбнулся смущенно и одновременно тепло. Было видно, что брата он очень любит. – А вы, собственно, почему интересуетесь?

– Видите ли, Георгий Петрович Чернецов оставил наследство не только вам, но и некой Галине Тишуниной, – ответил Кирган. – И Галина тоже не может понять, почему ей оставили деньги. Поэтому она наняла меня, чтобы я прояснил этот вопрос. Может быть, вы сможете ответить, почему и за что ей и вам оставлено такое большое наследство.

Ленар не понял, зачем Виталий Николаевич говорит неправду. Почему нельзя сказать все как есть? Почему нельзя рассказывать о Наташе? Что-то темнит этот адвокат, что-то крутит...

– Тишунина? – удивленно повторил Павел. – Никогда не слышал такой фамилии. Правда, я и про Чернецова впервые услышал только от нотариуса, когда она меня разыскала.

– От Лилии Рудольфовны? – уточнил Кирган.

– Ну да, Муат Лилия Рудольфовна, совершенно верно, – кивнул Щелкунов. – Я у нее спрашивал, кто такой Чернецов и за что мне такое богатство, но она ответила, что это не ее дело, у нее есть оформленное по всем правилам завещание с перечислением всех наследников, и ее задача – обеспечить наследникам вступление в права наследования. А вопрос, сколько и за что, ее не касается. Во всяком случае, при оформлении завещания Чернецов ничего ей не объяснял. Мы с Витькой и к Денису Чернецову ездили, я вам уже говорил, только он нам тоже ничего не сказал. Уверял, что не знает. Врал, наверное.

Но братья Щелкуновы на этом не остановились, они оказались ребятами упертыми, выпросили у Дениса адрес его матери – родной сестры наследодателя – и съездили в деревню, затерявшуюся где-то в Нижегородской области. Мать Дениса жила более чем скромно, честно говоря, просто бедствовала. Сын как уехал три года назад в Москву, так больше не приезжал ни разу, только звонил иногда, совсем редко.

– У меня телефона-то нет, – говорила женщина, – приходится к соседям бегать, если Дениска позвонит. Так это надо еще, чтобы повезло и они дома были, и я тоже, да не пьяные, потому что они как напьются, так или к телефону не подходят, или меня звать не хотят.

– Но он сообщил вам о том, что Георгий Петрович умер? – спросили братья.

– Это да, – с готовностью закивала она, – это он мне позвонил.

– А вы на похороны приезжали?

– Куда там! Дениска позвонил мне только через месяц после Жориной смерти. Сказал, что брат ему квартиру оставил и он теперь будет жить в Москве на законных основаниях.

– А деньги? Про деньги он вам сказал?

– Про деньги? – Было видно, что мать Дениса Чернецова действительно не понимает, о чем идет речь. – Какие деньги?

– Ваш брат ему еще и деньги оставил, очень большие деньги.

Женщина больше ни о чем не спрашивала, только сидела и молча плакала. И было в этих слезах не сожаление о неполученном наследстве, а искреннее горе матери, внезапно понявшей, что она вырастила нравственного уroda.

Павел и Виктор вернулись в Москву, так ничего и не поняв, и сразу перевели матери Дениса деньги. Приличную сумму. Пусть думает, что сын опомнился.

О том, как поступить с полученным наследством, они долго не размышляли. Павел рано женился, у него рос ребенок, семью надо было содержать, а машину-кормилицу он разбил. У Виктора давняя травма колена, полученная во время занятий спортом, ничего угрожающего жизни, но нога побаливает все чаще, и с годами ему грозит сильная хромота, а в нашей стране такие травмы излечивать пока не умеют. У родителей в Подмоскowie собственный дом, который давно уже требует капитального ремонта. Посему было решено, что в первую очередь к родителям пришлют строителей, которые осмотрят фронт работ и подготовят смету. Павел выделил на ремонт дома сумму с порядочным излишком, почти вдвое превышающую ту, которую указали в смете строители, а остальные деньги поделил пополам с братом. Виктор начал заниматься поисками хорошей клиники в Европе для операции, а Павел купил себе новую машину.

Ленар слушал рассказ Павла Щелкунова и ловил себя на том, что мысленно прикидывает, как бы он сам поступил с деньгами, если бы получил такое наследство. Почему-то раньше, когда речь шла только о том, что Катя получила целое состояние, подобные мысли в его голову не приходили. Катя – это Катя, она красивая девушка, она сестра Наташи, и Ленар при всем желании не смог бы себя идентифицировать с ней. А вот Павел – это совсем другое дело, он всего на год старше самого Ленара, он точно такой же, и встать на его место оказалось совсем нетрудно. И что бы он сделал с такими деньжищами? Ничего оригинального на ум не приходило. Наверное, купил бы квартиру в Москве. Хотя зачем? Оставаться здесь навсегда он не собирался, Москву не любил и жил в столице только для того, чтобы собрать материал для книги, в которой хотел объяснить людям, какой плохой, какой злой и жестокий город эта самая Москва. Лучше купить квартиру в Казани, куда он обязательно вернется. Или нет, не квартиру – дом, хороший просторный дом в красивом месте, куда он привезет Наташу и где будут расти их дети. Хотя какие дети, если у Наташи с этим проблемы... Значит, в первую очередь нужно было бы заняться здоровьем Наташи, а уж потом придумать, как с умом потратить то, что останется.

Да, это все хорошо, просто отлично, но Павел Щелкунов надежд Ленара не оправдал и света на тайну наследства Чернецова не пролил.

На обратном пути Ленар сидел в машине молчаливый и расстроенный.

– Ты чего такой кислый? – спросил Виталий Николаевич.

– Мы опять ничего не узнали, – сердито ответил Ленар. – Опять холостой выстрел получился. А я так надеялся!

– Да ты что! Мы узнали массу полезных вещей! – весело проговорил Кирган.

Ленар нахмурился. И почему этот адвокат всегда разговаривает так, что ничего не понятно? Специально, что ли?

– Каких, например?

– Например, что Денис Чернецов каким-то боком в этом замешан.

– Почему вы так решили? – удивился Ленар.

– Ну, ты сам смотри, ведь сначала к нему пришел Антон, но, когда пришел я, он мне ни словом не обмолвился о том, что кто-то еще интересовался его дядей и наследством. Я ведь только от соседей узнал, что Антон к нему приходил. А теперь выясняется, что еще раньше Антона к нему приходили братья Щелкуновы, но он ни Антону, ни мне об этом не сказал. То есть совершенно ясно, что он что-то знает и скрывает.

Ленар не очень понял логику Киргана, но промолчал, чтобы не показаться совсем уж тупым.

– А для Наташи это что означает? – спросил он. – Это как-то подтверждает ее невиновность?

– Пока нет. Но мы только в самом начале пути. Тебе надо набраться терпения.

Хорошо ему говорить про терпение! А там Наташа на нарах, в камере. Ей, наверное, уже совсем плохо. Одна минута в камере не сравнится с целым годом в домашних условиях. Уж Кирган-то должен это понимать. Но он, похоже, не понимает или не дает себе труда задуматься. Какой-то он равнодушный, холодный. Может, зря Ленар с ним связался? У этого адвоката душа за Наташу совсем не болит. С другой стороны, где взять адвоката, у которого бы душа болела за Наташу Аверкину? Для этого он должен знать ее лично, а знакомых адвокатов у Наташи нет. Так что какой бы ни был защитник, Наташа для него всегда останется чужой. С этим придется смириться. Никто не будет относиться к ней так, как Ленар Габитов. Ни для кого, кроме него, она не будет родной. Единственной.

Маргарита Михайловна Усольцева с удовольствием согласилась познакомиться с Антоном Сташисом, однако ни она, ни Борис Леонидович не могли взять в толк, почему частного детектива Алексея Гаврина нельзя просто вызвать повесткой к следователю. Для чего нужно устраивать тот цирк, который срежиссировали адвокат Кирган и молодой оперативник? Кирган и Антон по очереди объясняли, что следователь не будет вызывать Гаврина до тех пор, пока адвокат не убедит его в том, что новый свидетель располагает важной для дела информацией. А для того чтобы выяснить, какой информацией он располагает, адвокату надо сначала самому побеседовать с Гавриным. Однако же не все так просто. Нельзя не учитывать психологический феномен человека в погонах: он принадлежит государственной власти и у него есть полномочия, поэтому он подсознательно всегда спокоен и уверен, что эта власть позволит ему выбраться из любого затруднительного положения. Даже если на самом деле это не так, все равно есть ощущение власти за спиной. Сейчас у частного детектива этой власти нет, но они все – бывшие милиционеры, и привыкли эту власть ощущать и ею пользоваться. Если поставить такого человека в затруднительное положение, он сразу почувствует, что вот раньше ему это было – тьфу, а теперь проблема, и страшно разозлится.

– А зачем нам, чтобы он разозлился? – растолковывал Кирган. – Ведь если спрашивать напрямую, то ему придется признаваться в том, что он выполнял заказ; потом последует

вопрос, чей заказ и в чем он заключался, это нарушение конфиденциальности и проблемы с заказчиком, а ему эти проблемы не нужны. Так что не надо ставить его в сложное положение, надо дать ему возможность соврать так, как ему удобно, и при этом дать нам ту информацию, которая нам нужна. Вот для этого мы цирк и устраиваем.

– Но как же он будет лгать? – недоумевал Борис Леонидович. – Если следователь его вызовет, он ведь обязан будет говорить правду. И в суде тоже с него подписку возьмут насчет ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

– Вот именно! – подхватил Антон. – Поэтому мы и должны узнать то, что нам нужно, и при этом не заставить человека вступать в конфронтацию с законом. Скорее всего, до следователя дело вообще не дойдет. То, что сообщит нам Гаврин, будет считаться оперативной информацией. Но Гаврина ни в коем случае нельзя напугать, понимаете?

Антон Маргарите Михайловне понравился, была в нем какая-то зрелая мудрость, не свойственное молодым людям спокойствие, а главное – искренний интерес к другой личности. Они с Борисом Леонидовичем сразу сказали, что на их помощь можно рассчитывать, они готовы сделать всё, что нужно.

И вот теперь они сидели в машине Бориса вместе с Антоном и наблюдали за входом в здание, где располагалось частное детективное агентство, в котором трудился Алексей Гаврин. Антон предупредил, что ожидание может затянуться, потому что совершенно неизвестно, когда Гаврин соизволит появиться. Марго запаслась бутербродами и пирожками на троих и прихватила большой термос с горячим чаем. Как выяснилось – не напрасно. Первый день ожидания прошел впустую, Гаврин не появился. Они по очереди выходили на улицу, чтобы размять ноги и воспользоваться туалетом в ближайшем кафе, жевали бутерброды, пили чай, разговаривали, репетировали. Марго и Борис узнали Антона поближе, выспросили историю его жизни, подробнее рассказали про Ленара. Но в десять вечера пришлось отправиться домой. Антон пересел в свою машину и сказал, что будет ждать их завтра на этом же месте.

– Какой славный мальчик, – сказала Маргарита Михайловна, оставшись вдвоем с Райнером. – Жалко его. Такая трагическая судьба.

– Мальчик-то славный, – откликнулся Борис Леонидович, ведя машину на предельно допустимой в городских условиях скорости. – Только не знаю, что получится из его затеи. Завтра я еще смогу потратить день на пустое высидивание в машине, а вот послезавтра вам придется обойтись без меня, у меня две лекции, одна в девять утра, другая в четырнадцать тридцать.

– Боренька, может быть, не стоит так гнать? – мягко попросила Марго. – Мы никуда не опаздываем.

– Гошка, как же ты не понимаешь! – Повернувшись к ней, он гневно сверкнул глазами. – Я целый день провел в неподвижности, да я чуть с ума не сошел от этого тупого ожидания. Мне нужно ощущение скорости, чувство движения, иначе мне начинает казаться, что я умер.

Вот таким он был всегда, Борис Райнер. Огонь. Ртуть. Перпетуум мобиле. Сейчас Маргарите Михайловне даже трудно было представить, как они смогли бы жить вместе, если бы тогда, много лет назад, не поссорились и не разошлись. Наверное, их брак долго не продержался бы. Впрочем, как знать...

На следующий день все получилось неожиданно быстро: Алексей Гаврин появился около полудня. Дождавшись, когда он войдет в здание, Антон скомандовал:

– Вперед, уважаемые.

Борис, подойдя к двери, решительно надавил на кнопку домофона, рядом с которой была прикреплена табличка с названием агентства. Из динамика послышался приятный женский голос, спросивший, к кому они пришли.

– Мы хотели бы заключить договор, – ответил Борис Леонидович.

– Поднимайтесь на второй этаж.

Дверь зажуужжала, и они вошли. Здание, такое неприметное снаружи, внутри оказалось хорошо отремонтированным, светлым и чистым, правда, не очень просторным. На первом этаже красовались вывески турфирмы и независимого аудита, а детективное агентство и кабинет психологической помощи располагались этажом выше.

Их приветливо встретила молодая женщина в строгом деловом костюме, на лацкане которого красовался бейдж с именем «Светлана».

– Мне очень жаль, – сразу сказала она, – но в ближайшие несколько месяцев наше агентство новых договоров заключать не будет. Я могу вам порекомендовать...

– Как это – не будет? – вздернул густые брови Райнер. – Почему?

– У нас очень много работы, – пояснила Светлана. – У агентства хорошая репутация, и у нас множество клиентов. А количество сотрудников пока недостаточное, мы тщательно отбираем персонал, и найти высококвалифицированного специалиста не так-то просто. Я могу вам порекомендовать обратиться...

Ей снова не удалось закончить фразу, потому что дверь распахнулась и в комнату вошел Алексей Гаврин. Марго сразу же узнала человека, фотографию которого получила у Ксюши, соседки покойной Кати Аверкиной.

– Ой! – всплеснула она руками. – А я вас видела около нашего дома. Боря, ты помнишь этого молодого человека?

– Да, лицо знакомое, – поддакнул Райнер.

– Это же Катенькин поклонник. Ну помнишь, мы с тобой сколько раз видели, как он сидел в машине и ждал ее. Это ведь были вы, правильно? – обратилась Марго к Алексею. – Мы не ошиблись? Какое несчастье с Катенькой, какое несчастье!

В глазах Гаврина заметалось беспокойство, лицо непроизвольно дернулось.

– Вы ошибаетесь. – Голос у него внезапно сел, и ему пришлось откашляться, чтобы прочистить горло. – Я никого нигде не ждал.

– Ну как же так! – настойчиво продолжала Маргарита Михайловна. – Я хорошо вас запомнила. Это точно были вы. У меня прекрасное зрение и отличная зрительная память. Только на вас была другая куртка, такая приметная, светло-коричневая, с косой молнией, и воротник из белого меха.

– Точно, – вдруг вмешалась Светлана, – Леша, у тебя же есть такая куртка. Ну-ка признавайся, чей ты поклонник!

Она рассмеялась собственной шутке, а вот детективу Гаврину совсем не было весело. Марго заметила, какой взгляд он метнул в сторону незадачливой секретарши Светланы. Наверное, она работает недавно и еще не научилась держать язык за зубами, особенно в присутствии посторонних.

– Света, походи к Сереге и распечатай мне все последние материалы, – приказным тоном велел Гаврин.

– Но я еще...

– Света, ты меня слышишь? – он чуть повысил голос. – Походи и сделай то, что я прошу.

Светлана презрительно дернула плечиком и вышла из комнаты. Гаврин подождал, пока за ней закроется дверь, пристально посмотрел сначала на Марго, потом на Бориса и буквально процедил сквозь зубы:

– Ну хорошо, не стану отпираться, мне действительно нравилась Катя, но она не хотела со мной общаться. Я вел себя как дурак, как влюбленный пацан, но ничего не мог с собой поделать. Потом она погибла. У вас все?

– Простите, – покаянно произнес Борис Леонидович. – Мы не хотели вас задеть. Вы, наверное, очень переживаете Катину смерть. Но... Погодите-ка! Раз вы торчали у нашего

дома и выжидали, когда вам представится возможность поговорить с Катей или хотя бы ее увидеть, то вы, наверное...

Он выразительно посмотрел на Марго. Пока все шло строго по сценарию, разработанному Кирганом. Теперь ее реплика.

– Ну конечно, конечно, Боря, как же я сразу не подумала! В наш дом приходил адвокат, во все квартиры звонил и у всех спрашивал, не видели ли мы рядом с Катей каких-нибудь подозрительных людей. А ведь вы наверняка могли что-то заметить, вы же все-таки сыщик, не то что мы – простые обыватели. У вас глаз наметан и наблюдательность развита. Вы не возражаете, если я скажу этому адвокату про вас? Пусть он к вам придет и задаст свои вопросы. А вдруг окажется, что вы видели что-то очень важное!

– Почему же молодой человек должен быть против, – вступил Борис как по писаному. – Он сыщик, значит, юрист, а коль юрист, то должен понимать всю важность происходящего.

Они разыгрывали хорошо отрепетированную пьесу, в которой все реплики были настолько продуманы, а аргументы выверены, что уже через несколько минут отступить Алексею Гаврину оказалось некуда. Он молча вынул из кармана визитку и протянул Борису.

– Ваш адвокат может со мной связаться, я готов с ним встретиться и ответить на его вопросы, – неохотно сказал он. – Только зря все это, я все равно ничего не знаю. У вас всё?

Марго уже собралась было ответить, но первым заговорил Борис:

– Нет, не всё. Ну как же – всё? Нам нужно дождаться вашу девушку, Светлану, которую вы послали. Мы ведь пришли, чтобы заключить договор, нам необходимо воспользоваться услугами детективного агентства, у нас, видите ли, проблемы с внуком, он связался с... Впрочем, у вас, наверное, нет времени выслушивать все это. Светлана сказала, что ваше агентство сейчас новых клиентов не берет, и хотела порекомендовать нам какую-то другую фирму. Так что нам придется подождать.

Марго с облегчением перевела дух. Она совсем забыла, что Кирган предупреждал: нельзя уходить сразу же, как только от Гаврина будет получено согласие, иначе сыщик моментально догадается, что они пришли только за этим. А вот Борис все помнит, умничка!

Гаврин пожал плечами и вышел. Они дождались Светлану, влетевшую в комнату с кипой каких-то документов, получили от нее координаты другого детективного агентства, владелец которого является, как объяснила секретарша, «близким другом шефа», и благополучно отбыли.

Антон ждал их в машине.

– Неужели Гаврин так быстро раскололся? – изумился он, выслушав рассказ Бориса Леонидовича. – И это называется «сыщик»? Ему только в песочнице играть.

– А вы уверены, что он непременно был раньше сыщиком? – спросил Борис. – Смотрите-ка: девочка Ксюша его засекла и даже сфотографировала, вы за ним следили – он ни сном ни духом, мы, две старые развалины, заявили и за десять минут приперли его к стенке. Может, он просто глупый? Или у него опыта нет?

– Может, – согласился Антон. – Он мог работать в какой угодно службе, даже в паспортном столе или в патрульно-постовой.

– В нашей стране всегда отдавали предпочтение не уровню профессионализма, а степени родства или знакомства, – усмехнулся Борис. – Перестройка перестройкой, а все равно ничего не меняется.

Виталий Кирган договорился с Алексеем Гавриным о встрече. По голосу частного детектива было понятно, что желанием общаться с адвокатом он не горит, но Кирган знал: от встречи Гаврин не откажется, чтобы не влипнуть в еще более неприятные проблемы.

Очевидно, Гаврин понял, что с наблюдением за Катей Аверкиной он прокололся по полной, засветился, дал себя увидеть и запомнить, посему встречу с адвокатом никак нельзя

было назначать в офисе детективного агентства, чтобы не вызвать вопросов, за которыми последуют далеко идущие и в общем-то справедливые выводы со стороны его шефа. Они договорились, что Гаврин приедет в адвокатскую контору к Киргану. Контора была богатой и могла позволить себе не только аренду помещения в центре Москвы, но еще и аренду помещения достаточно просторного, чтобы у каждого адвоката был свой отдельный кабинет, в котором никто не помешает приватной беседе.

– Я ищу подружку погибшей Кати Аверкиной, но никак не могу ее найти, – начал Виталий, предварительно угостивший Гаврина горячим чаем с печеньем и потратив несколько минут на выражение благодарности столь сознательному свидетелю. – Опрашиваю всех жильцов дома, и вот мне Борис Леонидович и Маргарита Михайловна сказали, что вы были Катиным поклонником. Может быть, вы что-то знаете про эту подружку?

Гаврин с момента неожиданной встречи с Борисом и Марго уже успел успокоиться и выстроить линию поведения, поэтому в кабинете Киргана он не нервничал и не злился. Все, что он собирался скрыть, он скроет, это Виталий понимал, а остальное спокойно расскажет. Подругу Кати Алексей видел неоднократно, она часто появлялась у погибшей, и Катя вместе с ней постоянно куда-то ходила, в основном по магазинам и в клиники пластической хирургии, видимо, на консультации. Однажды девушки дошли до Катиного дома, распрощались, Катя зашла в подъезд, а подруга направилась дальше. Гаврин решил, что сегодня ему уже ничего не светит, Катя вряд ли снова появится, и тоже решил уехать, но увидел, как подруга зашла за угол, а там стоял «Лексус»-седан, рядом с которым прогуливался мужчина. Этот мужчина открыл дверцу и предложил девушке сесть, она посмотрела на часы и помотала головой – видно, куда-то очень торопилась. Стала что-то быстро говорить, а мужчина слушал и кивал. Потом он сказал буквально несколько слов, и она, молча кивнув, ушла. Шла очень быстро. И пока они разговаривали, лицо у нее было серьезное и сосредоточенное, совсем не такое, какое Алексей видел, когда она была с Катей. С Катей девушка вела себя как легкомысленная хохотушка-веселушка, все время щебетала и смеялась, а тут ее словно подменили. Ну, детективу стало любопытно, он машину бросил и пошел за ней следом. Довел до фитнес-клуба и вернулся к своей машине. Регистрационные номера «Лексуса» не запомнил, не нужно было. Мужчину особенно не рассматривал, лет сорока или чуть меньше, среднего роста, одет как обычно, короткое пальто или длинная куртка, без головного убора, несмотря на зимний холод. Цвет волос не разглядел, уже были сумерки, но не черный, это точно. Обычная короткая стрижка.

Ну вот, это уже что-то. Не так уж много, но от этого можно двигаться.

– В какой фитнес-клуб пошла девушка? – спросил Виталий.

– В «Три ноля», это рядом с метро «Тушинская».

– Понятно. – Адвокат быстро записывал сведения на бланке. – А во что Катина подружка была одета?

– Обычно я ее видел в белой меховой куртке, или это у них называется короткой шубкой, или жакетом, я в этом не разбираюсь. Шапочка и шарф разноцветные, в зигзагообразную полоску, – добросовестно перечислял детектив, уже понявший, что ничего опасного у него спрашивать не собираются. – Джинсы светло-синие. Или темно-голубые, кто их разберет.

Виталий спросил, подтвердит ли Алексей Гаврин свои слова на допросе у следователя. Гаврин согласился, но с явной неохотой. Впрочем, Виталий задал этот вопрос на всякий случай, потому что понимал: следователь допрашивать частного детектива все равно не будет, ведь Гаврин не обладает важной для следствия информацией. Вот если удастся найти подружку и вытрясти из нее правду, тогда другое дело.

Гаврин подписал свои показания и торопливо покинул контору.

– Виталий, ты едешь? – в его кабинет заглянул один из адвокатов.

Ах ты черт! Он ведь чуть не забыл, что сегодня старший партнер их фирмы отмечает в ресторане пятидесятилетие. Разумеется, должны быть все сотрудники. Виталий и подарок на днях купил, большая перевязанная лентами коробка лежит в багажнике его автомобиля. Если бы он вовремя вспомнил про сегодняшнее торжество, то не поехал бы с утра на машине, воспользовался бы такси. А как теперь идти в ресторан на банкет, если потом надо будет садиться за руль? И бросать машину нельзя, завтра утром она ему понадобится, да и угнать могут или на штрафстоянку уволокут, ищи ее потом...

Впрочем, есть же замечательная служба, которая помогает напившимся водителям благополучно добраться до дома без риска попасть в аварию или лишиться прав за вождение в нетрезвом состоянии. Приезжает автомобиль с двумя водителями, один пересаживается за руль машины, хозяин которой позволил себе излишне расслабиться, и везет владельца домой или куда надо, а вторая машина едет следом и потом забирает другого водителя из конечной точки. Просто, как все гениальное.

Виталий давал себе слово не пить на банкете много, и в течение первого часа ему удалось слово держать, но сидящие рядом с юбиляром жена и два уже совсем взрослых сына действовали Киргану на нервы. Он думал о бывшей жене Миле и о сыне, с которым его разлучили и которого он любил нежно и трепетно, и вид чужого семейного благополучия не давал ему покоя, словно ржавым ножом расковыривая рану в сердце.

В конце концов он все-таки напился.

Фитнес-клуб с загадочным названием «Три ноля» располагался в отдельно стоящем здании в четырех минутах ходьбы от станции метро «Тушинская» и имел собственную парковку, бдительно охраняемую невысоким жилистым мужичком, который, судя по всему, нес вахту одновременно и на входе, и на стоянке.

– Я хочу купить абонемент, – сказал Антон, выйдя из машины. – Это мне к кому обратиться?

– Пройдите на ресепшен, по лестнице и сразу направо.

– А цены здесь какие? Приемлемые?

Охранник усмехнулся и оценивающе осмотрел Антона с ног до головы.

– Для вас – вряд ли. Но вы пройдите, поговорите, может, у них акция какая-нибудь проходит и абонементы продают со скидкой.

Антон вошел внутрь, поднялся по трем ступенькам, повернул направо и увидел длинную полукруглую стойку, за которой стояли девушки в униформе. Да, клуб дорогой, конечно, не Рублевка, но цены намного выше средних. Значит, придется оперировать определенной частью полученной информации.

Он подошел к одной из девушек и обворожительно улыбнулся. Девушка немедленноотреагировала. Приветливость в ее голосе просто-таки была через край.

– Здравствуйте, я вижу, вы у нас впервые. Хотите просто позаниматься или купить абонемент?

Антон изобразил смущение и наклонился к ней поближе:

– У меня необычный вопрос. Вы позволите?

– Конечно, – девушка непроизвольно понизила голос. – Что вас интересует?

– Меня интересует девушка, которая ходит к вам заниматься. Я увидел ее на улице, пошел следом, хотел познакомиться, но не успел – она вошла к вам. Вот хочу попросить у вас помощи. Не откажите безнадежно влюбленному.

Девушка весело рассмеялась и спросила:

– Она только что пришла? Прямо перед вами?

– Нет, это было на прошлой неделе.

Антон здорово рисковал, ведь адвокат Кирган утверждал, что Гаврин видел Яну Орлову входящей в этот клуб почти месяц назад, и не факт, что тот раз не был единственным или последним. Как знать, приходила ли девушка сюда после того еще раз, и уж тем более неизвестно, была ли она здесь на прошлой неделе. Но кто не рискует, тот и не выигрывает.

– Можете ее описать? – деловитым тоном осведомила сотрудница клуба.

– Красивая, стройная...

– Ой, какой вы смешной! – девушка снова рассмеялась. – У нас тут все красивые и стройные, у нас же зона здоровья и красоты. Во что она одета?

– Такая меховая курточка, белая, но не очень... Как бы вам объяснить...

– Кремовая, – подсказала девушка. – А какой мех?

– Я не разбираюсь. Короткий такой.

– Стриженная норка, скорее всего, – сделала она вывод. – Еще что?

– Шапочка и шарф, такие симпатичные, в елочку, и цветов много – синий, голубой, бирюзовый, белый. Яркие очень.

– «Миссоны», – уверенно констатировала девушка.

– Кто? – переспросил Антон. – Как вы сказали?

– Это бренд такой, многоцветность и «елочка» – их фирменный стиль. Брюки какие? Кожаные?

– Нет, джинсы. «Дольче и Габбана». Голубые.

Это тоже было рискованным ходом, потому что Алексей Гаврин фирму-производителя джинсов не назвал, но Кирган ссылаясь на свою подзащитную, которая, правда, не очень уверенно, но припомнила, как Яна вроде бы говорила, что джинсы у нее именно «Дольче и Габбана». Наталья Аверкина могла ошибаться. Яна могла носить и другие джинсы, все, что угодно.

– Ого! – глаза девушки задорно сверкнули. – Впервые в жизни вижу молодого мужчину, который на взгляд может определить фирму джинсов. Это высоко. Вы что, специалист?

Антон сделал усилие над собой и залился краской. Он долго этому учился и теперь мог изображать смущение в любой необходимый момент.

– Никакой я не специалист, – он понизил голос почти до шепота и наклонился к девушке еще ближе. – У нее такие бедра... просто взгляд не оторвать. Я к ним как глазами прилип, так и увидел эмблему на заднем кармашке.

– Все понятно. Это Лариса Скляр. Сейчас я посмотрю, по каким дням она бывает.

– Зачем?

– Ну как же, вы же познакомиться хотите. Я вам скажу, когда она бывает у нас, вы придете, оплатите разовое посещение, найдете ее в зале и познакомитесь.

А девица-то не промах! Видно, знакомство с красивыми обеспеченными клиентами клуба – дело более чем обычное. Во всяком случае, выяснить имя и прочие данные того, кто тебе приглянулся, не составляет никакого труда.

Она пощелкала клавишами и посмотрела на монитор компьютера.

– Лариса Скляр приобрела абонемент на три месяца, до конца февраля. Ее время – вторник и пятница с 17 часов.

Антон вышел на улицу вполне удовлетворенный. Значит, никакая она не Яна Орлова, а вовсе даже Лариса Скляр. Придется ехать в контору, без этого не обойтись. Хорошо бы иметь адрес этой Ларисы-Яны, а еще лучше – ее паспортные данные. Но это уж как повезет. Сегодня – понедельник, завтра – вторник, Лариса-Яна (если это вообще она и никто нигде не ошибся) придет в клуб, и появится возможность ее сфотографировать, чтобы предъявить снимок Наталье Аверкиной. Детектив Гаврин мог говорить совсем о другой подруге покойной Кати. Мало ли подружек у молодых девушек? А то, что и он, и Наталья упоминали белую меховую куртку, еще ни о чем не говорит, достаточно пару раз зайти в магазины одежды,

чтобы убедиться, что и белый цвет имеет разные оттенки, и мехов огромный выбор, а уж про модели и фасоны и говорить нечего.

Виталий Кирган стоял в пробке и чертыхался: ведь он специально ездит в тюрьму только по утрам, пока «допросные» свободны и пока нет пробок, так надо же – попал все-таки в затор, хотя его тут в такое раннее время сроду не бывало. Машины стояли намертво, и Виталий, пользуясь временем, открыл портфель, достал фотографию Яны Орловой, которая оказалась Ларисой Скляр, и снова принялся рассматривать. Впрочем, еще ничего не известно, возможно, частный детектив Алексей Гаврин или солгал, или ошибся, а может быть, ошибся Антон Сташис, который разыскал в фитнес-клубе совершенно постороннюю девушку, не имеющую никакого отношения к убийству Кати Аверкиной. Антон выследил ее и тайком сфотографировал, чтобы можно было предъявить снимок Наташе Аверкиной и выяснить точно, Яна это или нет. Еще Антон сказал, что проследил за Яной-Ларисой, выяснил ее местожительство и собирается навести кое-какие справки в милиции, обслуживающей адрес. Квартира съемная, это ему удалось узнать легко, так что есть все основания полагать, что Яна – приезжая. Во всяком случае, начинать собирать сведения Антон решил с миграционной службы. Посмотрим, чего ему удастся добиться.

А она ничего, симпатичная, даже хорошенькая. Антону удалось сделать очень хороший снимок, крупный план, анфас. То ли он мастер, каких поискать, то ли у него аппаратура хорошая. Киргану еще не приходилось видеть такое высокое качество фотографий, сделанных на улице в ходе наружного наблюдения, обычно они бывали намного хуже: то лицо слишком мелко, так, что узнать невозможно, то смазано, то человек вообще отвернулся. Интересно, что скажет Наташа, увидев этот снимок? Узнает она подружку своей сестры или заявит, что впервые видит эту девушку?

Из-за пробки он потерял почти сорок минут, и, когда приехал в СИЗО, все «допросные» оказались заняты. Кирган злобно выругался про себя и уселся на жесткий неудобный стул ожидать, пока какая-нибудь камера не освободится. Ждать пришлось почти полтора часа, потом ему сказали, что придется подождать еще, но уже в «допросной», потому что свободных людей нет и привести подследственную Аверкину пока некому. Ну, это дело обычное, Киргану не привыкать.

Наконец Наташу привели. Взглянув на фотографию, она сразу же подтвердила, что да, это та самая Яна Орлова, но при этом оставалась совершенно равнодушной, не выказывая ни удивления, ни надежды.

– Вы должны радоваться, мы же нашли подружку вашей сестры, – упрекнул ее Кирган. – Мы столько усилий приложили, чтобы ее найти, столько изобретательности проявили, а вы не радуетесь.

– А чему радоваться-то? – грустно спросила Наташа.

– Ну как же, Наташа! Для меня совершенно очевидно, что эта девушка для чего-то вас подставила, и теперь наша задача – выяснить, зачем она это сделала. Теперь все пойдет гораздо быстрее, и я могу вам обещать, что уже совсем скоро вы будете на свободе. Вам осталось потерпеть совсем немного. Ну же, Наталья, взбодритесь, возьмите себя в руки.

– Я не могу, – уныло прошептала Наташа. – Я уже ни во что не верю. Если такое могло со мной случиться, значит, в этом мире возможно вообще все, что угодно. Ни на логику, ни на здравый смысл, ни на справедливость рассчитывать не приходится.

– То есть вы хотите сказать, что я напрасно борюсь за ваше оправдание? – недовольно нахмурился Кирган. – Что вся моя работа лишена смысла и вам не нужна?

– Я вам очень благодарна за все, что вы делаете. Но не требуйте от меня невозможного. Я потеряла надежду, потеряла веру, и любовь, судя по всему, тоже потеряла. Мне ничего больше не нужно. У меня нет сестры, нет матери, нет любимого человека. Я совсем

одна, пусть так и будет. Не имеет никакого значения, что со мной произойдет. Тюрьма – так тюрьма, срок – так срок. Пусть будет как будет.

Из СИЗО Виталий ехал в подавленном настроении. Впервые за все годы адвокатской практики он встретил подзащитного, которому не нужна его работа. Подзащитного, которому все равно, что с ним будет, которого не интересуется, добьется успеха адвокат Виталий Кирган или нет.

«Ну и пусть, – с досадой думал он, выворачивая с Шоссейной улицы на улицу Полбина. – Мало ли, что она говорит, эта Аверкина. Пусть ей все равно, добьюсь я успеха в этом деле или нет. А вот мне, лично мне, не все равно. И я добьюсь, чего бы это ни стоило. Вот назло этой опустившейся, потерявшей надежду девчонке возьму и добьюсь».

К сожалению, отпуску пришел конец, но Антон честно все рассказал подполковнику Зарубину, потому что без его авторитетного «прикрытия» получить сведения о Ларисе Скляр было невозможно или крайне затруднительно. Это только в кино показывают, что можно просто так взять и узнать что угодно про кого угодно. На самом же деле для этого требуются либо хорошие личные связи, либо официально ведущаяся оперативная разработка. А никакой разработки в отношении Ларисы Скляр никто не вел.

Сергей Кузьмич Зарубин относился к Антону покровительственно, в положение вошел и помощь оказал. Поскольку Антон сумел не только сделать фотографию Ларисы, но и «проводил» ее до дома и выяснил адрес, поиск информации существенно облегчился. Начали с миграционной службы: Наташа, описывая подружку своей сестры, указала на ее «немосковский» говор, не очень явный, но все равно отчетливо слышный. Лариса действительно оказалась приезжей, хотя официально зарегистрирована она была вовсе не по тому адресу, куда «привела» Антона. Зато, получив ее паспортные данные, можно было узнать много интересного про Ларису Андреевну Скляр, 1985 года рождения, уроженку Пермской области.

Лариса судимостей не имела, но это, скорее всего, чистая случайность. Рождена она была вне брака, а когда девочке исполнилось пять лет, ее мать вышла замуж, после чего родила сначала сына, потом дочку. Муж матери Ларису удочерил, дал ей свое отчество и фамилию, относился к ней очень хорошо и изо всех сил старался наладить нормальные отношения в семье. Но всё было напрасно: Лариса люто ненавидела и приемного отца, и рожденных от него детей. Ей постоянно казалось, что младших любят больше, что покупают им все самое лучшее, а ей достаются крохи. Брата и сестру она начала истязать, когда мальчику было шесть, а девочке четыре, издевалась над ними, поколачивала, отнимала вкусности, запирала в подвале, ломала новые игрушки. Родители пытались справиться своими силами, и наказывали Ларису, и убеждали, и пугали милицией. Ничего не помогало, девочка озлоблялась еще больше, и пытки, устраиваемые малышам, становились все изощреннее. Тогда мать, потеряв всякую надежду, отправилась в школу, где училась Лариса, чтобы посоветоваться с педагогами, и, к своему ужасу, узнала, что ее дочь ведет себя агрессивно и жестоко не только дома.

– Мы вас не вызывали и ничего не сообщали, – говорила ей классная руководительница, – потому что ваш муж – уважаемый в городе человек, не хотелось его расстраивать.

С Ларисой попробовали совладать совместными усилиями семьи и школы, но результата никакого не добились. Видя реальную угрозу здоровью младших детей, родители обратились в милицию, и уже через два месяца четырнадцатилетнюю Ларису определили в специнтернат для несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Но и там она постоянно давала волю кулакам и проявляла поистине изощренное коварство, издеваясь над теми, кто был младше или просто физически слабее.

После интерната Лариса Скляр начала работать, сперва уборщицей в магазине, потом выросла до фасовщицы на магазинном складе. Но жизнь в маленьком заштатном городке

ее не устраивала, и она рванула в столицу. Брата и сестру она по-прежнему ненавидела, с родителями постоянно скандалила, и они без возражений отпустили ее в Москву, лишь бы от детей подальше. Муж матери, которого Лариса все годы категорически отказывалась именовать отцом, много работал, деньги в семье хоть и небольшие, но водились, и Ларисе пообещали высылать материальное вспомоществование каждый месяц. Этим денег хватало на то, чтобы снимать убогую квартирку за пределами Кольцевой автодороги и более или менее сносно питаться. Так и жила, во всяком случае, никаких данных о том, что она где-то работала, не было. Может, и подрабатывала, но каким-то «левым» способом, ничего не оформляя.

И вдруг она переезжает в однокомнатную квартиру возле Аэровокзала, покупает недорогие вещи, приобретает абонемент в дорогой фитнес-клуб. Знакомится с Катей Аверкиной, представляется вымышленным именем, врет ей, что работала в сети «Колесо». Это что? Это как понимать?

Антон Сташис посмотрел на дисплей мобильного, который за последние часы дважды известил о полученных сообщениях. Первое пришло в половине седьмого: «Ходили в зоомагазин смотрели черепашек здоровские». С ума сойти! Ни одной орфографической ошибки, только синтаксические. Неужели количество занятий с Элей перешло в качество и наметился прорыв? Второе сообщение поступило совсем недавно, несколько минут назад: «Я пишу проект мне нужно в инет Степка не дает айпад а сам играет и неспит». Похоже, он рано обрадовался, одна ошибка в правописании все-таки сделана. А с запятыми и точками совсем беда. Кстати, почему Вася жалуется, что Степка не спит? Который час? И куда Эля смотрит, если малышу пора в постель?

Он посмотрел на часы и вздохнул. Ну вот, начались трудовые будни, и снова он будет приходить домой, когда дети уже десятый сон видят. Конечно, еще не очень поздно, всего половина девятого, и Степка имеет полное право не спать: его укладывают после телевизионной вечерней сказки, а Васька жалуется, потому что ей нужен Интернет. Маленькая, вполне невинная детская хитрость. Но даже если он немедленно сядет в машину и помчится домой, бодрствующего сынишку ему застать не удастся. Да и Ваську, наверное, тоже. Так что для общения с детьми вечер все равно пропал.

Но можно использовать его как-то иначе. Например, связаться с Кирганом и передать ему данные на Ларису Скляр.

Надежда Игоревна Рыженко была у руководства на хорошем счету в частности и потому, что, во-первых, внимательно следила за процессуальными сроками и всё всегда делала вовремя, а во-вторых, крайне редко уголовные дела, передаваемые ею в суд, оказывались «разваленными». Собственно, прошлогоднее дело скинхедов было единственным, которое сторона обвинения бездарно проиграла именно благодаря промахам, допущенным следователем.

И как бы ни злилась она на адвоката Киргана, но не признать его правоту не могла: в протоколе осмотра места происшествия действительно отсутствовали подписи судебно-медицинского эксперта. Поэтому Надежда Игоревна, положив в папку протокол, отправилась в морг. Эксперта она знала давно, им приходилось сталкиваться, и Рыженко понимала, что если этот человек протокол не подписал, значит, во время осмотра трупа его что-то здорово достало. Наверное, следователь постаралась, совсем молодая девчонка, гонору выше головы, а вести себя со специалистами – участниками осмотра не умеет. Придется замаливать чужие грехи.

– Когда я была на вскрытии трупа Аверкиной, вы мне не сказали, что осматривали его на месте происшествия, – осторожно заметила она, убедившись, что эксперт находится в благодушном настроении.

– Не сказал, – кивнул он, усмехнувшись. – Но специально попросил отписать мне этот труп на вскрытие. Вы же понимаете почему.

– Следователь? Или криминалист? – спросила Рыженко. – С кем вы поляну не поделили?

– С девочкой. Уж больно нагла, не по годам. Хотел ее поучить жизни, думал, она на вскрытие придет. Я же не знал, что дело вам передадут.

Надежда Игоревна пожала плечами. В конце концов, когда она приехала на вскрытие, он, увидев другого следователя, мог бы сказать ей, что не подписал протокол. Вредничал. Цену себе набивал. А она сама разве не то же самое делает по отношению к адвокату Киргану и его подзащитной? Так что нечего бочку катить на эксперта, все живые люди, у всех есть эмоции, личные обиды и амбиции.

– Она дежурила. Понятно, что убийство ей не отдадут, мала еще. Я протокол привезла. Подпишите?

– Для вас, милейшая Надежда Игоревна, все, что угодно, – расплылся в улыбке судебный медик. – Давайте ваши бумажки.

Она протянула ему папку с протоколом и спросила:

– А за рамками протокола можете мне что-нибудь сообщить?

Он не ответил, быстро пробегая глазами текст.

– Вот же коза! – воскликнул он. – И чему ее только учили?

– А что такое? – насторожилась следователь.

– Ну я же четко ей сказал: на суставе большого пальца правой руки кольцо желтого металла с камнем фиолетового цвета, повернутое камнем внутрь. А она что написала?

Рыженко не помнила в точности, что именно написано в протоколе, но что-то про кольцо было, это несомненно, и само кольцо лежало в пакете с вещами погибшей, она его своими глазами видела.

– Тут написано: на правой руке кольцо. Ни про большой палец, ни про то, что оно повернуто камнем внутрь, нет ни слова.

– Большой палец? – Рыженко озадаченно нахмурилась. – Это странно...

– Я вам больше скажу, – эксперт начал горячиться, – вы сами не обратили внимания во время вскрытия на то, что я говорил, и заключение потом не читали. Ведь не читали?

Он сердито уставился на следователя, которая и в самом деле в заключении судмедэксперта просмотрела только итоговую часть: причина смерти, наличие заболеваний, наличие в крови потерпевшей алкоголя, наркотиков или иных препаратов. Пришлось признаваться и каяться.

– Кольцо застряло на суставе, криминалист его с трудом стащил. На пальце есть посмертные повреждения, это когда криминалист кольцо стягивал, но есть и прижизненные, причем появившиеся незадолго до наступления смерти. Я все это и вслух проговаривал при вас, и в заключении отразил. Непонятно, для чего я вообще работаю, если вы все равно ничего не читаете!

– Извините, – мягко произнесла следователь, – признаю свой промах. Но тогда получается, что Аверкина перед самым падением надела кольцо, которое ей мало, и... А более ранних царапин в этом месте не было?

Эксперт нашел в компьютере текст заключения и ткнул в него пальцем.

– Нет. Только те, что появились незадолго до наступления смерти, и посмертные, которые появились в результате усилий криминалиста по снятию кольца.

– То есть можно предположить, что Аверкина в тот момент впервые надела это кольцо? – уточнила Надежда Игоревна.

– Ну, милейшая, делать выводы – это ваша задача, я в это не лезу, – развел руками эксперт. – Впервые, не впервые надето кольцо – это выходит за рамки компетенции эксперта. Вот если бы это была девственная плева – тогда бы я точно сказал, впервые или не впервые...

«Старый пошляк, – подумала Надежда Игоревна. – Впрочем, почему старый? Он едва ли намного старше меня, а я себя как-то в старухи еще не записала». И продолжала, сделав вид, будто не слышала последних слов медика:

– Она его надела, попыталась снять, кольцо не проходило через сустав, девушка начала его крутить, чтобы... винтообразное движение... камень повернут внутрь... и в этот момент... Зачем она надела это кольцо, если оно ей мало? Примерить. Пришла сестра, показала новое кольцо, потерпевшая попросила примерить, так поступают почти все. Катя надевает кольцо на безымянный палец, оно ей велико и сваливается, тогда она пробует средний, потом указательный, смеется над сестрой, дескать, какие у той крупные руки и толстые пальцы, демонстрирует, что это кольцо не спадает только с ее большого пальца, подчеркивает собственное изящество. Сестра злится... не выдерживает... и сталкивает Катю с балкона. Так?

– Не знаю, не знаю, – в глазах у эксперта плясали черти. – Я только по медицинской части. Но исключительно из хорошего отношения к вам кое-что подскажу: в показаниях свидетелей есть сведения о том, как именно падало тело? Кто-нибудь видел само падение?

– Есть два свидетеля, – кивнула Рыженко.

– Вы их сами допрашивали или положились на протоколы тех допросов, которые провела ваша предшественница?

– Я их передопросила. Я, кажется, догадываюсь, о чем вы хотите спросить, – улыбнулась она. – Тело перевернулось на уровне между пятым и четвертым этажами. И второй раз – на уровне второго этажа.

– Вот именно! Это говорит о том, что падающему телу человека было придано дополнительное ускорение. А как это могло произойти? Скажу вам как, – хитро подмигнул он, – но только строго между нами. Я думаю, что убийца присел на корточки, подхватил потерпевшую под колени и резко дернул вверх. При той высоте балконных перил, которая там была, никак иначе столкнуть невысокую девушку невозможно. Вообще-то, этот вывод должны были делать вы сами; я уж так, по доброте душевной...

На обратном пути Надежда Игоревна мысленно представляла себе сестер Аверкиных, стоящих рядом на балконе. Катя крутит кольцо, морщится от досады и, вполне возможно, от боли, кольцо застряло на суставе, в это время Наталья приседает и хватается сестру за ноги под коленями... Нет, что-то не складывается. Очевидцы происшествия в один голос твердят, что видели, как Наташа столкнула Катю. Но если Наталья действительно присела на корточки, то ее в этот момент видно не было. Кто ошибается? Эксперт? Или очевидцы? Надо снова всех вызывать и допрашивать еще раз. Следователь Рыженко была достаточно опытной, чтобы понимать, как причудливы и непредсказуемы восприятие и память, как часто люди принимают кажущееся за действительное, как уверенно додумывают за других, сочиняют и клянутся, что это чистая правда.

Для поездки в морг она воспользовалась служебной машиной и, выходя из салона возле здания следственного комитета, увидела адвоката Киргана, который стоял у входа и разговаривал по телефону. Неужели опять к ней? Достал уже!

Рыженко поднялась на крыльцо, распахнула дверь, адвокат последовал за ней, все еще продолжая разговаривать. Она невольно прислушалась: Кирган давал кому-то консультацию по восстановлению пропущенного срока для заявления имущественных прав при расторжении брака. Надо же, юрист-многостаночник! Он не только за уголовные дела берется, но и гражданскими пробавляется. Впрочем, сегодня все юристы зарабатывают кто как может.

Адвокат закончил разговор только тогда, когда Надежда Игоревна уже вошла в кабинет, сняла шубу и повесила ее в шкаф, и с улыбкой извинился:

– Простите.

– Что у вас? – спросила следователь, открывая сейф, чтобы положить подписанный экспертом протокол в папку с материалами дела об убийстве Кати Аверкиной.

– У меня подруга потерпевшей, та самая Яна Орлова, о которой я вам столько раз говорил, но вы не хотели меня слушать.

Это было неправдой, следователь Рыженко услышала все, что сказал ей адвокат Кирган, и дала оперативникам задание во что бы то ни стало найти Орлову, только им это пока не удалось. Другое дело, что адвокату знать об этом совершенно не обязательно. Следователь обязан знакомить защитника только с тем, что касается непосредственно подзащитного, а подруга убитой – это совсем другая песня. И что же? Неужели адвокат ее нашел? Интересно, как?

– И что Орлова? – Надежда Игоревна старалась не выдать своей заинтересованности.

Кирган положил на стол перед ней пластиковый файл, в котором лежали фотография хорошенькой, модно одетой девушки и какие-то бумаги. Она вынула бумаги, пробежала глазами. Хорошо сделанные установочные данные. Сведения с прежнего места жительства, из Пермской области. Информация, полученная в миграционной службе, о регистрации в Московской области. Настоящие имя и фамилия, паспортные данные.

– Откуда у вас такое богатство? – Рыженко не скрывала своего скепсиса. – Она сама объявилась? И почему она пришла первым делом к вам, а не к следователю, ведущему дело? Господин адвокат, я вас предупреждала...

– Я работаю с частными детективами, – спокойно прервал ее Кирган. – Они очень постарались и нашли девушку.

– Вот даже как? – она слегка вздернула брови. – Напомните-ка мне, кто ваш доверитель. Если не ошибаюсь, не сама Аверкина.

Дел в производстве у следователя много, и разве может она упомнить, кто оплачивает услуги адвокатов, защищающих всех ее подследственных! Но к помощи частных детективов адвокаты прибегают не особо часто, все-таки это дорогое удовольствие, и далеко не каждый подследственный может себе позволить такие траты.

– У меня соглашение с господином Габитовым, Ленаром Ахатовичем.

– Ах, да, я вспомнила. Это сожитель Аверкиной. Ну и...

Надежда Игоревна быстро пролистала материалы дела. Все правильно, Ленар Габитов, уроженец Казани, год рождения... зарегистрирован... место работы – интернет-магазин, должность – курьер. Он должен зарабатывать около двадцати тысяч рублей в месяц, вряд ли больше. Этого не хватит не только на частных сыщиков, но и на адвоката, особенно на такого, как этот ненавистный Кирган.

– Ничего себе заработка у мальчиков, которые работают курьерами, – хмыкнула она. – Вы хотите меня уверить, что он способен оплачивать услуги адвоката и частных детективов? Не смешите, господин адвокат! Вы ведете какую-то хитрую игру, и мне это очень не нравится, имейте в виду.

– Я вас уверяю, Надежда Игоревна, все абсолютно прозрачно. – Кирган прижал руку к груди, словно клятву произносил. – Мальчик попросил денег у родителей. Не скажу, что все было просто, но он действительно любит Наталью Аверкину и готов ради нее на многое.

– В том числе на заведомо ложные показания, – с довольной улыбкой подхватила Рыженко. – Я понимаю. В этом пункте я с вами полностью согласна.

– Ну зачем вы так? – Казалось, адвокат был обескуражен ее последней репликой. – Я только хотел сказать, что, несмотря на все препоны и сложности, Ленар Габитов достал

деньги, чтобы оплачивать мою работу и сбор информации, необходимой для оправдания его возлюбленной. Вы же не можете не знать, на что способна настоящая любовь.

Она посмотрела на Киргана и почувствовала внезапную ярость, охватившую ее. И этот человек, воспользовавшийся тем, что она потеряла любимого мужа, еще смеет что-то говорить о настоящей любви!

– Зато мне кажется, – дрожащим от злости голосом произнесла она, – что вы этого знать никак не можете.

Еще несколько минут она сидела неподвижно, уставившись взглядом в закрывшуюся за адвокатом дверь, потом встряхнула головой, сняла телефонную трубку и вызвала к себе оперативников, которые, в отличие от Киргана, Яну Орлову найти не сумели.

Роман Дзюба и Геннадий Колосенцев появились в ее кабинете ближе к окончанию рабочего дня. Рыженко передала им принесенные адвокатом материалы и насмешливо наблюдала, как на глазах меняются лица оперов. Конечно, кому такое понравится: какой-то адвокатишко сумел сделать то, чего не смогли профессиональные сыщики.

– Вот так, мальчики, – подвела она итог. – Адвокат навязал нам новую версию, придется ее проверять.

– Да бросьте вы, Надежда Игоревна, – пренебрежительно махнул рукой Гена Колосенцев. – С каких это пор вы начали прислушиваться к адвокатам? Они свои деньги отработывают, ну, это их проблема, а почему мы-то с вами должны эти проблемы решать?

Рыженко с неудовольствием посмотрела на оперативника. Никогда этот мальчик не искал лишней работы. У него всегда такой вид, словно его ждут неотложные и ужасно важные дела, а тут какие-то обвиняемые и подозреваемые требуют, чтобы он уделял им драгоценное время.

Ромчик Дзюба, наоборот, радостно подпрыгнул, услышав информацию, которую передал Кирган.

– О, здорово! Я тут подумал, Надежда Игоревна, что эта подружка может быть членом тайной секты.

– Чего-чего? – изумленно протянул Колосенцев. – Ты в своем уме, Рыжик?

– погоди, Гена, – остановила его следователь, с трудом пряча улыбку. – Пусть Ромчик объяснит, что он имеет в виду.

Она знала эту чудесную особенность лейтенанта Дзюбы моментально придумывать самые невероятные истории, в которых причудливо сплетались уже установленные следствием факты и обстоятельства и добавлялись новые, им самим прямо на ходу изобретенные. Да, на первый взгляд то, что говорил Роман, казалось безумно нелепым, но Надежда Игоревна Рыженко хорошо знала цену свободной и не ограниченной рамками скуки и повседневности фантазии, без которой можно было бы раскрывать только самые банальные бытовые преступления. А дело Натальи Аверкиной после того, что рассказал адвокат Кирган, уже не выглядело банальным. Более того, оно выглядело устрашающе непонятным.

– Говори, Ромчик, не стесняйся, – подбодрила она молодого опера.

Дзюба вскочил и начал метаться по кабинету, бурно жестикулируя.

– Ну вот смотрите сами, – быстро заговорил он. – Одна сестра, Катя Аверкина, получает большое наследство. Тут же около нее нарисовалась некая Яна Орлова, которая, как потом выяснилось, назвалась фальшивым именем и на самом деле является... Как там, Надежда Игоревна?

– Ларисой Скляр, – подсказала Рыженко.

– Да, Ларисой Скляр. Уже одно это вызывает большие сомнения. Зачем придумывать себе другое имя, если все честно? Идем дальше. Всем нам известны случаи, когда секты начинают влиять на людей, имеющих большую собственность, чтобы убедить их отдать эту

собственность в пользу братства или там кого еще. Вон сколько газеты про такое писали, и в Интернете я читал про подобные случаи. Скажете, нет?

– Не скажу, – кивнула Рыженко, – такие случаи хорошо известны.

– Ну так вот. Эта Скляр примазывается к Кате и начинает пытаться на нее влиять, с тем чтобы она все деньги отдала секте. А Катина сестра Наталья это дело просекла и начала ставить Ларисе палки в колеса и мешать влиять на Катю. Ей удалось прочистить Кате мозги, объяснить ей, что к чему, и Катя перестала поддаваться влиянию своей новой подружки. Вот тут подружка и решила разделаться с обеими сестрами. Одну убить, другую посадить.

– Но зачем? – Рыженко не без труда сохраняла серьезный вид. – Мотив-то где?

– Так месть же, Надежда Игоревна! – Дзюба на мгновение остановил свой бег по кабинету и вперил в следователя укоризненный взгляд пронзительно-голубых глаз. – Ну как же вы сами не понимаете! Такие секты потому и называются тоталитарными, что они не терпят и никому не прощают непослушания. Если кто идет поперек – сразу на цугундер. Поэтому и само убийство было таким демонстративным, среди бела дня, у всех на глазах. Это специально, чтобы все остальные знали: так будет с каждым, кто пойдет против братства.

– Ромчик, остынь, – снисходительно проговорил Колосенцев. – Тебе надо поменьше в Интернете сидеть, у тебя голова черт знает каким хламом забита. Вот не зря тебя в отделе Плюшкиным кличут, ты всякую дрянь к себе тащишь и копишь, складываешь, расстаться не можешь. Правда же, Надежда Игоревна?

Он посмотрел на Рыженко, ожидая поддержки, но следователь отвела глаза.

Она давно поняла, что Колосенцев хороший исполнитель, толковый, но ему скучно, он ждет, когда выйдет призывной возраст, и, как только минует угроза угодить на срочную службу, будет уходить из ментовки. Инициативу он ни в чем не проявляет, и вообще парень не креативный, без воображения, делает строго то, что сказано, ни миллиметром больше. Все время осекает Ромчика Дзюбу и высмеивает его фантазии и предложения. Гена, конечно, человек неплохой, грамотный к тому же, но нет в нем полета. А без полета разве можно работать? Тогда уж проще удавиться сразу. А вот рыжий Ромчик Дзюба – это настоящий Икар сысканого дела. Да, молодой, да, неопытный, да, у него пока еще мало что получается, но он пытается летать, а это уже очень много. Роман всю жизнь занимался спортом – готовился к профессии с детства. И с детства же специально тренировался запоминать предметы, их вид и расположение, и страшно гордился тем, что в средней школе был непревзойденным по этой части, на него ходили смотреть, а он гордо выступал перед одноклассниками, демонстрируя чудеса запоминания за короткое время. Другие тоже пытались, но сравниться с ним даже близко никто не мог. Внешне накачанный, голубоглазый, рыжеволосый, с мягким добрым лицом, Дзюба производил впечатление плюшевого увальня, и Рыженко знала, что коллеги, с подачи Колосенцева, называют его Плюшкиным за страсть к накопительству ненужной информации и ненужных, на их взгляд, знаний. Однажды Колосенцев сказал Роману, нимало не смущаясь присутствием следователя:

– Ты как щенок сенбернара – здоровенный, мягкий, рыжий, все кусты тебе надо обнюхать, все столбы обоссать.

Ее покорибили тогда эти слова, но она промолчала. Оперсостав – не ее епархия, и воспитывать их – не ее работа, у оперов есть свои начальники. Но выводы о Колосенцеве она сделала.

– Значит, так, мальчики, – строго заговорила Надежда Игоревна, – ничего не обсуждаем. Я вам даю задание отработать Ларису Скляр, вот и выполняйте. Если кто со мной не согласен – это его персональная головная боль. Поставьте за ней ноги, соберите информацию, в общем, просветите мне ее с пяток до макушки. И обязательно выясните, не видел ли ее кто-нибудь в день убийства возле дома, где проживает Наталья Аверкина, и возле места преступления. Вопросы есть?

– Что, и насчет секты тоже узнавать? – ехидно осведомился Геннадий.

– Насчет всего узнавайте. И не забудьте биллинг номера Головкиной. Если действительно телефон Ларисе Скляр передал кто-то, кто хотел бы оставить их контакты в тайне, то с этим неизвестным она, скорее всего, тоже общалась при помощи телефона с этой же «симкой».

– Так она, может, на летающей тарелке к нам прибыла, – продолжал ерничать Колосенцев. – Про это тоже узнавать? К уфологам обратиться?

– Гена! Прекрати. – Рыженко сердито хлопнула ладонью по столу и заметила благодарный взгляд Дзюбы, брошенный в ее сторону.

– Ладно, понял, – буркнул Геннадий. – Вот вы Ромку защищаете, а потом наплачетесь, попомните мое слово.

Он встал и стал натягивать теплую куртку, небрежно брошенную на пустой стол, где всего час назад сидел адвокат Кирган. Дзюба замешкался, он никак не мог отыскать свой шарф, который в конечном итоге оказался засунутым в карман.

– Идите уже, – рассмеялась следователь.

Она с удивлением поняла, что от недавней ярости не осталось и следа. Да, адвокат Кирган ей категорически неприятен, но в его словах очень много убедительного, и как Рыженко ни сопротивлялась внутренне его доводам, будучи профессионалом, признавала, что он во многом прав. В конце концов, она сама заинтересована в том, чтобы дело потом в суде не развалили. Невинный не должен сидеть. А судя по всему, Аверкина все-таки невиновна.

И с кольцом ерунда получилась... Надежда Игоревна видела в материалах дела вынесенное следователем прямо на место происшествия постановление о производстве дактилоскопической экспертизы кольца, изъятого с руки потерпевшей. И, конечно же, эта малограмотная девочка о медико-биологической экспертизе даже не подумала, просто отдала кольцо криминалисту, чтобы он передал в экспертно-криминалистический центр вместе с постановлением. Что она хотела получить? Зачем назначала эту экспертизу? В общем-то понятно: от дактилоскопии она ничего особенного не ожидала, а постановление вынесла просто на всякий случай, а то прокуратура потом претензиями замучит, дескать, раз изъяли – назначайте экспертизу. Ну обработали эксперты кольцо магнитным порошком, ну увидели, что пригодных для идентификации следов рук на нем нет, и собрали, как обычно, магнитный порошок назад в банку. А поскольку так делали неоднократно, то на этом порошке уже столько биологических следов других лиц собралось! И теперь все эти следы вместе с остатками порошка присутствуют на кольце, и поди выдели из этой каши следы именно тех людей, которые надевали кольцо на палец... Все испорчено с самого начала. Если предупреждения о сохранении биологических следов в постановлении нет, они гарантированно будут испорчены в ходе проведения дактилоскопической экспертизы. А ведь судебный медик говорил следователю, обращал ее внимание на неестественное положение кольца, вот бы ей в тот момент призадуматься, не имеет ли это отношения к картине преступления! Но не призадумалась. А следователю Рыженко теперь разгребать.

Вооружившись фотографиями Ларисы Скляр, Роман Дзюба и Геннадий Колосенцев приступили к опросу людей, проживающих в том же доме, что и подследственная Наталья Аверкина.

– Вот было бы хорошо, если бы оказалось, что на доме есть камеры наружного наблюдения, – ерзал на сиденье машины Роман. – Мы бы сразу ее вычислили, эту Ларису.

– И не мечтай, – усмехнулся сидевший за рулем Колосенцев. – Такая везуха редко бывает. Ты поменьше телик смотри, там тебе еще не такое покажут. На крупных торговых центрах или на ювелирных магазинах камеры, конечно, есть, это без вопросов, а на жилых

домах – наищешься. На доме Екатерины Аверкиной камер нет, и на этом доме они вряд ли висят.

Слова Геннадия оказались пророческими: никаких камер видеонаблюдения на доме Натальи Аверкиной не оказалось. И сыщики пошли по квартирам, показывая фотографию Ларисы Скляр и задавая один и тот же вопрос: не видел ли кто-нибудь эту девушку вблизи дома?

Они приготовились к длительной и кропотливой рутинной работе, но уже через полтора часа им повезло.

– Я видел эту девушку, – сказал серьезный мужчина лет пятидесяти с небольшим, – это совершенно точно. Мы вместе поднимались в лифте. Только она была по-другому одета. Здесь она такая нарядная, яркая, а в тот раз была одета как-то неприметно. Но это, несомненно, она.

– Не припомните, когда это было? – возбужденно спросил Роман.

– Да уж порядочно времени прошло, – мужчина задумался. – Кажется, еще до Нового года... Или сразу после него... Вспомнил: на следующий день у нас весь дом гудел, потому что накануне вечером, уже ближе к ночи, поймали каких-то преступников и у них в квартире делали обыск! Вы ведь можете узнать там, у себя, какого числа это было, правда?

– Правда, – согласился Геннадий. – Спасибо вам большое. Не возражаете, если вас следователь вызовет?

– Приду непременно, – очень серьезно ответил потенциальный свидетель.

И оперативники ни минуты не сомневались в том, что он действительно придет.

– Всё, – радостно говорил Геннадий по пути от подъезда к машине, – теперь можно ехать к дому Екатерины. Нам сегодня пруха, есть все шансы пораньше отстреляться и разбежаться.

– Ген, наверное, надо будет вернуться сюда еще раз вечером, когда люди с работы придут, – осторожно проговорил Роман.

– Зачем? – не понял Колосенцев.

– Ну, а вдруг кто-нибудь еще видел Ларису и сможет ее опознать?

– И что? Тебе мало одного свидетеля? Он согласился прийти завтра к следователю и все рассказать под протокол. Чего тебе еще надо?

– А вдруг он не приедет? Что тогда?

– Почему это он не приедет? Он обещал. Такие, как он, всегда приходят, он мужик надежный, это сразу видно, можешь мне поверить, – заверил напарника Геннадий.

Мысль о продолжении работы вечером его совсем не грела, он, как и многие оперативники, собирался отчитаться о выполненном задании только завтра, изобразив, что свидетелей искали до глубокой ночи. Если им повезет и удастся найти такого же крепкого свидетеля среди жильцов дома Кати Аверкиной, то можно будет вообще забить на все и валить по своим делам, а в девять вечера сесть за игру. Если же пойти на поводу у неугомонного рыжего Ромчика, то придется возвращаться сюда часам к восьми вечера, и тогда уже ни о каком начале игры в девять и речи быть не может.

– А если он умрет сегодня вечером или ночью? – настырно продолжал Дзюба, доводя Геннадия до бешенства. – Или поедет завтра к Надежде Игоревне и попадет под машину? Тогда как? Нет, Ген, одного свидетеля мало, надо еще поискать. У нас семнадцать квартир осталось, где нам дверь никто не открыл, это же сколько возможностей! Давай вернемся вечером.

Колосенцев резко остановился и взялся одной рукой за длинный теплый шарф, торчащий из-под воротника куртки Романа.

– Слушай, уймись уже, я тебя умоляю! У нас с тобой есть четкая ориентирующая информация о том, что Лариса Скляр здесь была в день убийства Аверкиной. Этого доста-

точно. Нас Надежда за этим посылала? За этим. Мы выполнили? Выполнили. И все. Разговор окончен. Нам еще второй адрес отработать надо, времени и так не хватает.

Они сели в машину. Дзюба полминуты обиженно сопел, но когда заговорил снова, голос у него был дружелюбным и веселым, как обычно.

– Ген, притормози у магазина, я пожрать куплю, – попросил он.

Колосенцев демонстративно закатил глаза.

– Господи, когда же ты насытишься?! Сколько в тебя влезает?

– Много. Ген, я же не виноват, что мне все время есть хочется. У меня природа такая.

– У тебя же утром была куча бутербродов и пирогов, я сам видел, когда ты меня угостить пытался. Где все это богатство?

– Так я съел уже... – растерянно ответил Роман, который, казалось, и сам забыл о том, сколько еды у него было в начале рабочего дня, а теперь вот вспомнил и страшно удивился: куда же это она вся подевалась?

Колосенцев остановил машину возле кафе-кондитерской.

– Подойдет? – спросил он с усмешкой. – Или ты по сладкому не очень?

– Да мне все равно, лишь бы калории. Они у меня почему-то очень быстро сгорают. Мама говорит, что я слишком много тренируюсь в зале, поэтому такой аппетит.

– А что еще мама говорит?

– Что я продолжаю расти, поэтому мне надо много кушать, – рассмеялся Дзюба, который был парнем покладистым и необидчивым. – Тебе взять что-нибудь?

– Да нет уж, уволь, расти сам, я как-то уже подрос, мне больше не надо. Иди, я поплю пока.

Дзюба еще не успел захлопнуть за собой дверцу машины, а Колосенцев уже спал. Он постоянно хотел спать, так же как Ромчик постоянно хотел есть. Игра длилась обычно до середины ночи, и Геннадий Колосенцев хронически не высыпался. Зато он обладал полезной способностью засыпать мгновенно и в любом положении.

Они приехали к дому, где жила и была убита Катя Аверкина, и снова начали звонить во все квартиры подряд и показывать фотографию Ларисы. На этот раз удача решила оперов не баловать, и на поиски свидетеля у них ушло довольно много времени. Но все равно они его нашли: одна молодая женщина вспомнила, что в день смерти Кати она видела девушку, изображенную на фотографии, идущей от дома в сторону метро.

– Вы уверены, что видели именно ее? – настороженно уточнил Колосенцев.

– Да, конечно, – уверенно кивнула женщина, – я не могла ошибиться. Это ведь подруга той девушки, которая погибла? Я их часто видела вместе.

– Как она была одета?

Женщина задумалась, вспоминая.

– Вы знаете, я хорошо помню, что в тот раз удивилась: она была одета очень просто, какая-то темная куртка, явно дешевая, какие-то штаны... Я даже сейчас не восстановлю в памяти, какие именно. Что-то очень неброское. И сумка через плечо, большая спортивная сумка. А до этого я ее видела всегда в броской модной одежде.

– А вы кому-нибудь об этом говорили? – спросил Дзюба. – Следователю или, может, участковому? Вы же знали, что Катя погибла, а вы видели ее подругу как раз тогда, когда девушку сбросили с балкона.

– Ну и какая связь? – пожала плечами свидетельница. – И вообще, молодой человек, все было не так, как вы себе представляете. Катя упала с балкона, выходящего во двор, а двери подъездов у нас выходят на улицу. Я в это время уходила на работу и о смерти Кати ничего не знала, потому что с улицы не видно и не слышно, что происходит во дворе, понимаете? Я вышла из дома, из соседнего подъезда вышла эта девушка с фотографии, я направилась на остановку автобуса, а она пошла в сторону метро. Была суббота, после работы я, не возвра-

щаясь домой, уехала на дачу к друзьям кататься на лыжах, вернулась в понедельник, и никакие следователи и участковые ко мне не приходили и ни о чем не спрашивали. О том, что Катя упала с балкона, я узнала только вечером в понедельник, когда пришла с работы домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.